

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ * ОТРАЖЕНИЯ

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ * ОТРАЖЕНИЯ

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

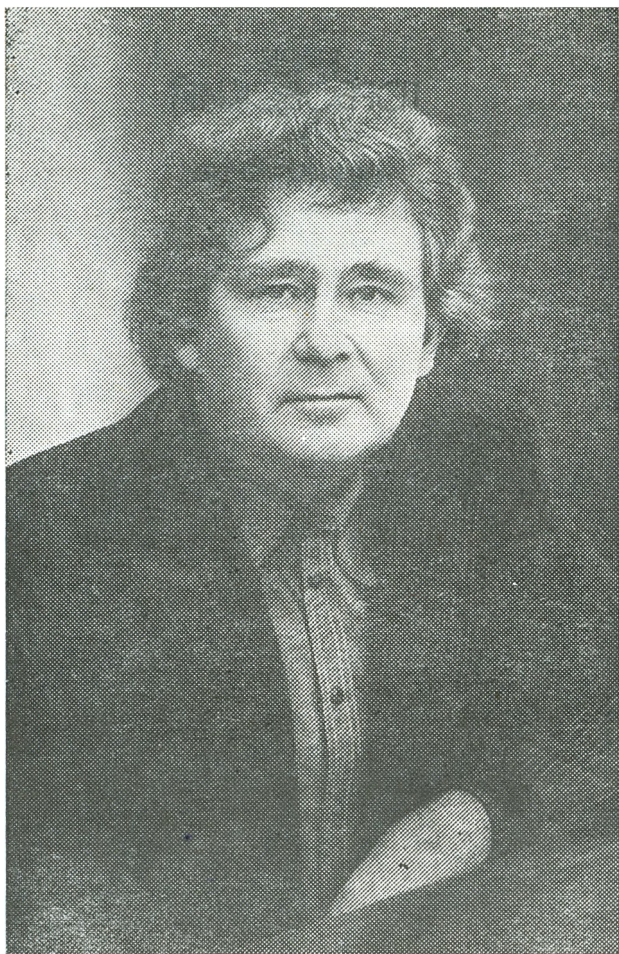
ОТРАЖЕНИЯ

ГЛЕБ
ГОРБОВСКИЙ

*

ОТРАЖЕНИЯ

ГЛЕБ
ГОРБОВСКИЙ

ОТРАЖЕНИЯ

ЛИРИКА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

2

ББК 84.Р7
Г 67

Художник ЛЕОНИД ЯЦЕНКО

Г $\frac{4702010200-036}{083(02)-86}$ 184-86

© Издательство «Советский писатель», 1986 г.

ЛИЦА

УЛИЦА

Глебу Семенову

Люди, люди в разном виде,
веренице нет конца.
Я давно уже не видел
одинокое лица.
Лица, лица, ливнем, шквалом,
от толпы в глазах темно.
Все огулом, все навалом,
уйма лиц, а мне б — одно...
Скорость, скорость беспредельна.
Иногда из-под колес
промелькнет лицо — отдельно —
в белом ужасе волос!
Промелькнет и канет в скорость,
в воздух, вставший на ребро!
Люди, лица, вопли, взоры
на земле и под — в метро.
Лишь порой, как взрывом грозным,
адской скорости вразрез,
что-то нас поднимет в воздух
и на час — закинет в лес.
Точно спал и вот — разбужен
тишиною на земле,
дабы свой увидеть в луже
лик — в единственном числе.

1979

СТАРАЯ ПТИЦА

Старая птица — гноятся глаза,
крылья волочатся, сползшие с тела,
когти загнулись в спираль до предела
Дразнят холодным дождем небеса...

Влезла в кусты от назойливых глаз.
Мышь прошуршала, но клюв ястребиный,
прежде по спинам лупивший дубиной, —
в непроходимой дремоте увяз.

Наглая муха на темя бойца
села и зло в седине копошится...
Да встрепенись же, проклятая птица!
Я подарю тебе тяжесть свинца.

Только воспрянь! Воспылай, воздыми
жизни своей почерневшей остатки!
Мне убивать тебя, мертвую, — гадко,
а не убить невозможно, пойми...

Глаз приоткрылся. И дымный зрачок
смело уставился в черное дуло.
Птица стояла, как прежде, сутуло
и на мои заклинанья — молчок.

Вдруг я увидел: в ночных облаках
птичьего взгляда насмешка летела!
Взгляд говорил: «Не твое это дело —
смерть насылать... без молитв. Впопыхах...»

Я зачехлил, обезвредил ружье.
Птица захлопнула дряблое веко.
Мы расстаемся, как два человека,
каждому выпало в жизни — свое.

Все поняла бессловесная сыть:
равенство наше и мнимое братство,
пользу когтей и ружья святотатство,
все поняла и успела забыть. . .

1977

* * *

Розовела вода в свеженалитых лужах.
Молодая кобыла в пространстве умытом
пробегала, вжимая пушистые уши,
колота по воде сумасшедшим копытом!

Молодая трава на глазах удлинялась,
вылезая наружу из мрака отверстий.
Молодая земля, как волчица, линяла,
обрастая на солнце зеленою шерстью.

Убегала дорога рассвету под брюхо.
Над дорогою птицы вершили балеты. . .
А внизу, на дороге, стояла старуха.
И была она внешне древнее планеты.

И внезапное в сердце вошло ощущение,
что не кровь пробегает по жилам, а время!
И что всякая радость достойна прощенья,
потому что за ней — увядания бремя.

1977

* * *

Дорога в клубах пыли.
Толпа. Цветы. Кумач.
Кого-то хоронили
под музыку и плач.
...Малиновым платочком
пылая на ветру,
меня спросила дочка:
«Скажи... а я умру?»
И все! Вопрос — как яма.
Я замер. В землю врос.
А дочка ждет упрямо
ответа на вопрос.
А мне ответить нечем.
Не слов — надежды нет.
Размазывать про вечность?
Зачем ей этот бред?
Сказать малышке правду?
К чему такая прыть?
А дочка вдруг: «Не надо...
Не надо говорить».
Не испросила жалость,
не корчилась в тоске —
лишь медленно прижалась
щекой к моей руке.

1977

НА УРОКЕ АНАТОМИИ

В углу присутствовал скелет.
Он словно смерть из сказки...
Живой школяр, держа ответ,
шпынял его указкой.
Как будто тридцать голубят,
сидят ребячьи лица.
Еще там, сзади, у ребят
не кость, а ягодицы;
еще глаза на месте, там,
где у скелета пропасть;
еще сморкаться их носам,
еще ушам их — хлопать!
...Скелет понуро и легко
держал свою головку.
А дети дуют молоко,
вовсю грызут морковку.
Ночами пуст и темен класс
и жутко одинаков.
Но у скелета нету глаз,
ему нельзя поплакать.
Стоит он — токарь или вор,
Абрам или Гаврила,
не погребенный до сих пор,
лишившийся могилы!
...Я лучше где-нибудь сгорю,
хоть в паровозной пасти, —
но не хочу встречать зарю
один в холодном классе.

1959

НА ТАНЦАХ

Ты — танцуешь! А юбка летает...
Голова улеглась на погон.
И какая-то грусть нарастает
с четырех неизвестных сторон...

Ударяет в литавры мужчина.
Дует женщина страшно в трубу.
Ты еще у меня молодчина,
что не плачешь, кусая губу.

Офицерик твой, мышь полевая,
спинку серую выгнул дугой.
Ничего-то он, глупый, не знает,
даже то, что он вовсе — другой...

1956

* * *

Прощается женщина с мужем.
Идет, как по небу, по лужам.
Трепещет пальто ее — тряпка,
и скверно ей, верно, и зябко.

Мужчина ж в пучине вагона
нарезал колбас и бекона,
налил половину стакана
и выпил с лицом истукана.

А женщина тащится к дому.
К немому, глухому, пустому...

А муж ее, скомкав салфетку,
спокойно глядит на соседку.

1965

* * *

В лесу на дереве, молчком,
возник он, точно выстрел!
В рубахе красной, босиком,
красивый и плечистый.
Остолбенел я... Ну, тоска,
ну, думаю, ловушка...
А на спине у мужика
двуствольная игрушка.
Я боком, боком и — назад.
А он сидит, он замер.
И нежно смотрит на закат
огромными глазами.

1966

ЗАБЫТЫЕ ПИСАТЕЛИ

Вахтер, проявляя забавное бдение,
фильтрует входящих... Но вот без проверки
проходят какие-то шаткие тени,
какие-то, впавшие в сны, канонерки.
Они проплывают неслышно к буфету,
макают уста в исторический кофе...
И пахнут эпохой их драпы и фетры
и солью осевшие в томики строфы.
Они исподлобья бросают улыбки
в надежде, что кто-то узнает! Но тщетно.
Их зренье, их память, их шаткость — улики
безмерной печали, обнявшей их щедро.
Они уже книг не читают, не пишут
и даже не носят... Замена им — посох.
Они застывают, как статуи в нишах,
устав от одышек и праздных вопросов.
...Писательский клуб вечерует, и бойко
шумят молодые о доле и цели!
А старые вдруг разбредутся по койкам,
и кто-то обронит: «Вот раньше шумели!..»
Наденет писатель дурацкую шляпу.
Мелькнет его тень за окном угловато...
И молча в житейские волны по трапу
сойдет, не обретший ни славы, ни злата.

1974

* * *

И вдруг улыбнулся старик на углу.
Он ловко достал из кулька пастилу.
И белый брусочек своей пастилы
засунул в улыбку
до самой скулы.
... Чуть позже я делал из дерева стул.
Позднее — на чай огнедышащий дул.
Затем я затаскивал нитку в иглу.
А в памяти плавал старик на углу...
Я мчался по ягоды за город, в лес.
Старик улыбался лукаво, как бес!
Я медленно ел килограмм пастилы, —
старик улыбался улыбкой пилы.
Мне снятся ночами не люди теперь,
мне снится улыбка! Большая, как дверь.
Я делаю то же, что делал всегда.
Седеет уже и моя борода.
Но я бы отдал кошелек и пальто
за право узнать сокровенное то:
какому такому веселому злу
тогда улыбался старик на углу?

1969

* * *

Здравствуй, бабушка-старушка,
голова твоя в снегу.
Ты уже почти игрушка, —
это я тебе не лгу.
Точно камушек на камне,
ты сидишь на валуне.
Отгадать тебя — куда мне.
Осознать тебя — не мне.
Ноги воткнуты, как палки,
в землю-матушку черну.
Мне тебя совсем не жалко,
грустно-тихую, одну.
Мне еще валиться с неба,
попадать под поезда,
а тебе кусочек хлеба —
и отпрянула беда.
Помашу тебе рукою,
серый камушек в пыли. . .
Вот ведь чудо-то какое
вырастает из земли.

1963

В Д О Р О Г Е

1

Деревьев корявые лапищи
за волосы держат дожди.
...Появится сельское кладбище
однажды на нашем пути.
И, словно сойдясь на собрание,
собьется там кучка крестов.
А небо такое уж рваненькое,
такой тебе праздник Христов...
Давай остановим движение,
пусть будет одна тишина,
одно голубое сближение
немыслимой яви и сна.

2

Распята сухая дорога,
прибита ногами к земле.
Неправильно, косо, убого
придуманы избы в селе.
Запечною мышью из норки
взирает старуха в окно.
Во рту ее крошки от корки,
в глазах ее бывших темно.
Скажи мне, родная старуха,
куда ты глядишь веково?
...И кружится черная муха.
И, собственно, нет никого.

1965

ПИСЬМО ИЗ ЭКСПЕДИЦИИ

Нынче ночь сырая... Ночь, как яма.
Напишите мне письмишко, мама.
Не ходите, мама, нынче в гости,
напишите, в синий ящик бросьте.
Если адрес мой попал в корзину,
напишите просто: «Север, сыну».
Отчим сам пускай готовит ужин.
Напишите, мне ваш почерк нужен,
запах ваш от присланной бумаги.
...Первым снегом замечает лагерь,
наши две притихшие палатки...
Напишите, не играйте в прятки.
Сын у вас бродяга, невидимка,
но и вы — как прозрачная дымка.
Напишите, разгоните тучи.
Нам обоим сразу будет лучше.

1964

* * *

В любом селении, пожалуй,
есть дурачок — свой странный малый.
Обыкновенно он внезапен:
возникнет сбоку, хохотнет
и в никому не нужной шляпе
куда-то прочь улепетнет.
Он сядет где-нибудь в сторонке
с лицом Сократа и молчит...
Из неказистой одежки,
как пень, головушка торчит.
А иногда такое выдаст,
такое вдруг родит словцо —
как будто он сквозь землю видит
святое истины лицо!
Что в голове его творится?
Болото там? Иль море там?
Так бесприютна эта птица...
А на земле, как говорится, —
все на местах. Все по местам.

1965

* * *

Бездомная лошадь сдыхать не хотела:
кспалась в помойках... Была не у дела.
Придет и молчит у крыльца магазина.
На морде отвиснет губа, как резина.
Накроет глаза ей туманом дремота...
Бывает, что пряник протянет ей кто-то.
Бывает и хуже: к поникшему носу
приставят горящую — вдруг — папиросу.
...В рабочем поселке работали люди.
Они пребывали в заботах, в простуде.
Они задыхались в любви и печали
и лошадь, как правило, не замечали.
Обычно в отхожем помойном овраге
ее окружали худые собаки...
Вели себя мирно. От скуки не грызлись.
Совместно делили мгновения жизни.
И было смешно, и тревожно, и странно
увидеть, когда еще сыро и рано,
увидеть, как в сером тумане рассвета
куда-то тащилась компания эта...

1967

* * *

Какое страшное лицо...
Глаза ночные, без просвета.
А губы — вылились свинцом.
...Кому-то будет он отцом?
Чье тело будет им согрето?
Он громко пьет из кружки пиво,
и жметя очередь тоскливо.

1962

КРУГЛАЯ ЗЕМЛЯ

Круглая...
И нету ей врача,
если заболит почему-то.
Мне все чаще страшно по ночам
из-за Магелланова маршрута.

Круглая...
Как глаз живой во мгле,
голубой (по духу — не по цвету).
Отчего мне страшно на Земле?
Оттого, что... дна под нею нету.

1955—1984

У ШЛАГБАУМА

Он уезжает из России.
Глаза, как два лохматых рта,
глядят воинственно и сыто.
Он уезжает. Все. Черта.
«Прощай, невытая. . .» Пожитки
летят блудливо на весы.
Он взвесил все. Его ужимки
для балагана — для красы.
Шумит осенний ветер в липах,
собака бродит у ларька.
Немые проводы. Ни всхлипа. . .
На злом лице — ни ветерка.
Стоит. Молчит. Спиной к востоку.
Да оглянись разок, балда. . .
Но те березы, те восторги
его не тронут никогда.
Не прирастал он к ним травую,
колымским льдом не примерзал.
Ну, что ж, смывайся. . . Черт с тобою.
Россия, братец, не вокзал!
С ее высокого крылечка
упасть впотьмах немудрено.
Но хоть сиянье жизни вечно,
а двух отечеств не дано!

1975

ДЕТСТВО МОЕ

Война меня кормила из помойки:
пороешься и что-нибудь найдешь.
Как серенькая мышка-землеройка,
как некогда пронырливый Гаврош. . .
Сухарь зеленый или корка сыра,
консервных банок терпкий аромат.
В штанах колени, вставленные в дыры,
как стоп-сигналы красные горят.
И бешеные пульки, вместо пташек,
чирикают по-своему. . . И дым,
как будто знамя молодости нашей,
встает над горизонтом золотым. . .

1960

* * *

Отцу

Иду коридором сосновым.
То хутор мелькнет, то село.
А наше родное Горбово
фугасное время смело.

Спросил у попутной старухи:
мол, где тут деревня была?
Но бабка пошарила в ухе
и медленно дальше пошла.

На ветке приветливый пищик
пытается петь и любить...
Еще не одно пепелище
душе предстоит посетить.

1969

ЖЕНА

В час, когда заняться нечем,
на закате, вдоль села,
ощетинив остро плечи,
эта женщина брела.
Там, в тайге, где мошка кружит,
запечатан в землю, в мир,
спит ее мужик ненужный,
непослушный дезертир.
К той могиле нет дороги.
Лишь тропа. И та — намек.
. . . Миг любви за век мороки.
Смог бы, господи? Не смог.
Возвращается в потемках
еле зримая, одна.
Кто она? Жена подонка.
Но — по-прежнему жена!
На нее собака рывкнет,
кот зловеще зашипит.
А она ступает прямо
через все. . . Идет, как спит.
Вот и в тот осенний вечер
шла она, полумертва.
Лишь острее были плечи
да понурей голова.
На нее уж — ноль вниманья,
примелькалась эта тень. . .
Только кто-то: «Эх ты, Маня!
Эх ты, Ма-аня!» — сквозь плетень.
. . . И ушла. В тайгу, как в бездну.

И пропала. Что уж тут.
Кличут. Ищут. Бесполезно.
Я-то знаю: не найдут.
Не найдут, ее не стало
в мире тридцать лет назад.
Это тень ее витала
в мире тридцать лет подряд.
Стон ее был — ветра свист.
Боль ее — опавший лист.
А душа — скажи на милость! —
до конца по-женски билась.

1969

* * *

На костре при лунном свете
жгли седую побируху.
Не какую-нибудь ведьму —
заурядную старуху.

Приняла она, как сына,
партизана. Ранен, жалко...
Окатили керосином,
скребанули зажигалкой!

Из ее избы горбатой
партизан уполз овсами.
И стоит она, распята,
плачет черными слезами.

Кто-то серый, пьян и весел,
топотал, золу вздымая...
И глядел на землю месяц,
ничего не понимая.

И, ребячий, из-за грядки
с перепугу, с перетруху
чей-то глаз смотрел украдкой
на сверкавшую старуху.

1972

В АЭРОПОРТУ

Мустаю Кариму

Объявили посадку на Сочи.
Проверяли, кто с чем улетал.
И сигналил магнитный приборчик,
обнаружив у граждан металл!
И никто не бубнил, не буюнил.
Понимали: так нужно затем,
чтобы там, в голубом океане,
не возникло излишних проблем.
Появлялись на свет из карманов
портсигары и связки ключей.
«Вот, пожалуйста, — нож! Без обмана...»
Без обиды и громких речей.
...А затем получилось потешно:
пропиликал сигнал на посту,
покопался курортник в одежде
и сказал: «Ничего... не найду».
Попросили папашу (тактично)
повторить. «Понимаю, сынок...» —
улыбнулся старик симпатично,
возвратился и — снова звонок!
А народ не стоит, наседает:
«Может, гирьку подвесил в штаны?!»
И сказал пожилой, озираясь:
«Есть тут, вроде, железка... С войны.
Анекдот, понимаю. Однако
в сорок третьем, под самый мотор...
Глубоко окопалась, собака!
Не она ли звенит до сих пор?...»
У сержанта глаза побледнели.

«Проходите...» — сказал он. И вдруг
стало жарко сержанту в шинели.
Стало тихо, как в небе вокруг.
А потом всколыхнулись безмолвно
и пошли, улыбаясь себе!
И какие-то светлые волны
возникали и гасли в толпе.

1977

МАТЕРИ

Предвоенные дожди лета,
на Варшавском вокзале цветы!
.. Я впервые на поезде еду.
Десять дней до Великой Черты.
Провожает меня, задыхаясь
от улыбок и жалобных слез,
мама.. мама моя молодая,
золотой одуванчик волос!
Умоляла попутчиков слезно
присмотреть за мальчишкой в пути..
Слышишь, мама, гудок паровозный!
От вагона, дружок, отойди.
.. Мы расстались. И время проворно
понесло нас по рельсам своим.
Напиталась война.. И тлетворный
над дорогой рассеялся дым.
Далеко мы заехали, знаю.
До седин. И тебе не в укор —
все я вижу: не ты, а иная
провожает меня до сих пор.
Вижу лето и солнце, как мячик,
над перроном. И люди в купе..
Золотистых волос одуванчик
все мелькает в нарядной толпе.
Провожает меня испугленно,
за окном продолжает бежать..
И уже до последнего стога
будет в жизни меня провожать.

1977

НАТАШЕ ШУРЫГИНОЙ

Была девушка. В прошлом. В просторе
памяти. . . В гуле весны грачиной.
Оказалось, нужно приехать к морю,
чтобы узнать о ее кончине.
Нужно зайти далеко в воду,
в соленые волны, точно в слезы,
чтобы сердцем ее оплатить по счету
на свадьбе жизни выпитый воздух.
Солнце мчится, как в съёмке ускоренной,
золотое — на суконной синеве юга.
Мне все видятся ленинградские дворики,
где мы с тобой понимали друг друга.
Скрипят карусели в приморском парке.
Шлифуются мысли. Гладильня приборя.
Хочешь, опять посидим за партой
в прошлом, где ты — не была собою?
С горы виноградник растёт отлого.
Трепещет парус, как женский плащик.
Хочешь, прочтем вдохновенного Блока
в прошлом, где ты не была — настоящей?
Спрячем в блокнот поминальные даты.
(Черточка между — в жизнь длиною. . .)
Да разве же ты проживала когда-то,
если тебя не осталось со мною?
Была девушка. В воздушном аквариуме.
В недвижимой вечности — вертлявая малость.
Прощай, неузнанная.
Прости, подаренная.
Для чего пригрезилась?

Почему сломалась?
Была девушка. Лаской лучилась.
Шумела, ветреная,
чтобы стать — тишиною.
...Стихи не шли. И вот — сочинилось.
Но какой ценою. Какой ценою...

1975

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ПИЛОТА

«Остаюсь на Земле!» —
эта надпись настолько внезапна!
На могиле пилота как явственный голос — строка...
И не дрогнет пропеллер у времени в ласковых
лапах
на могиле пилота, одетой в мучные снега.
И хотя на снегу
след к могиле тропую не вился,
ни царапины не было (разве что — птичий
пунктир),
он лежал на Земле, на которой когда-то родился,
на которой сумел полюбить этот бешеный мир!
Этот снег, этот лес... Этим птиц заводной
балаганчик,
это мудрое небо и грустных под старость людей...
«Остаюсь на Земле!» — очень правильно сказано,
мальчик.
Жаль, что ты поспешил. (Этот дьявольский век
скоростей!)
Жаль, что нету цветов — для тебя...
Понимаешь — зима тут.
Все еще впереди! (Это я говорю о весне.)
...И вращался пропеллер,
обнявшись с Землею крылатой,
и светились, как рыбы, иные миры в глубине.

1973

КОМЕТА

Удаляется комета от земли.
Наблюдать ее немногие могли.
Удаляется комета. . . А могла
дивным светом озариться наша мгла.
Так порою с ясноглазою душой
появляется ребенок — всем чужой.
Ходит-бродит, огибая строй дельцов.
Пишет горестные песни, как Рубцов.
И, внезапно натываясь на удар,
удаляется как дым, как белый пар.
Превращается в космическую стыннь.
Удаляется, неся в себе — светлынь!
И никто ему не машет вслед рукой:
на земле в такое время тишь-покой.
Удаляется в соседние миры,
как забытый детский шарик — из игры.

1976

* * *

Как в клетке, в стеклянном вокзале
увидел я стайку цыган...
Пиратские серьги свисали,
словесный хлестал ураган!
Клубились цыганские кудри...
А в центре, среди молодух,
старуха со взором премудрым
сидела, неслышна, как дух.
Плясали цыганские дети,
был дерзок их пляс и упруг,
и плыл обжигающий ветер
от их завлекающих рук!
...Но сдвинула бабушка брови,
и оторопь пляску берет.
И кто-то из публики бросил:
«Веселый цыгане народ!»
Веселый? А может, великий?
Как всякий, живущий любя,
кто в месиве рас и религий
пронес, как ребенка, себя?
...На них золотишко мерцало,
вращались тела наизусть...
И молча сквозь все причиндалы
светилась нездешняя грусть.

1975

КТО ОН?

По дороге возле неба,
по остаткам гор и рек
пробирается нелепый,
нестандартный человек.
На устах его улыбка.
За плечами — только тень.
По ошибке, по ошибке
он не ест который день.
Он целует снег бесшумный,
у костра ласкает дым. . .
«Он безумный, он безумный!» —
кто-то каркает над ним.
. . . Ремешком к нему собачка
кое-как прикреплена.
«Эй, здорово, неудачник!» —
кто-то ляпнет из окна.
А ему одна забота:
улыбаться всем подряд. . .
«Идиот он, идиот он!» —
даже дети говорят.
В деревнях глухих, кондовых
все его — из века в век —
принимали за святого,
зазывали на ночлег.
А иных проймет досада:
«Кто он?» — шепчут, пряча злость.
. . . Кто зажег цветы над садом?
А — никто. . . Само зажглось.

1973

* * *

Человек застрелился.
В плаще и в очках.
Он лежит у палатки на хвойной постели.
Переваривал пищу, стоял на ногах,
и никто не заметил, что он на пределе.
Иногда улыбался куда-то туда —
в голубую, зовущую сторону юга.
Может, в той стороне, где дымят города,
разлюбила его, погубила подруга.
Мы его положили в плаще в мерзлоту.
Мы его пожалели, известно.
А потом навалили потолще плиту
и ушли торопливо на новое место.
И осталась река, да гора, да луна...
Человеку нужна тишина.

1964

* * *

Не унывай. Ты посмотри в окно:
уже темно, соседи окна гасят,
и дно двора — как океана дно,
и мы... на пароходе в первом классе!
Мы вдаль плывем. В иные города.
Ложись и думай — о движенье к звездам.
Ты у меня не плачешь никогда,
а ты поплачь. Порою слезы — воздух.
Возьми цветок. Я целовал его.
Он, дурачок, завянет на рассвете.
Во мне сегодня тихо оттого,
что я увидел, как мгновенны дети.
А ты, ребенок мой, не унывай!
Плывем — и все. И никакой печали.
Держись меня. Обнимемся давай.
Чтоб волны жизни нас не укачали.

1965

* * *

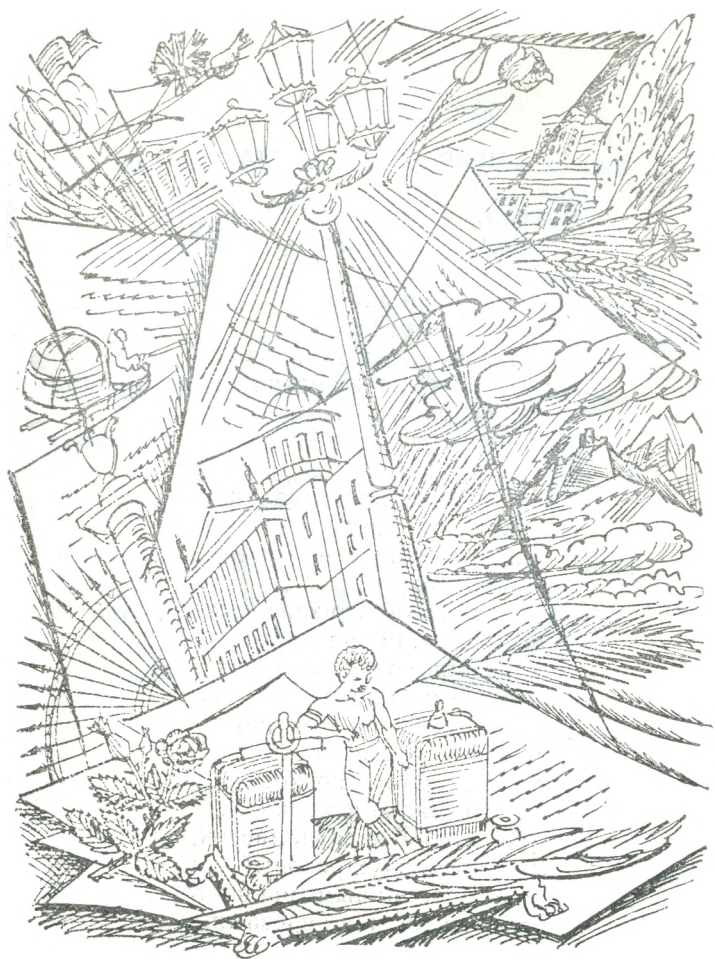
Возвращение в дом, под родное крыло —
неизбывная тема российских поэтов.
Возвращаюсь и я, оставляю седло.
Натыкаюсь на серую руку соседа.
Открываю ударом забитую дверь.
Опускаюсь на темную лавку вдоль окон.
Из-под печки доверчиво выбежал зверь, —
здравствуй, серая мышка! И ты — одинока?
С голосистым ведерком иду за водой,
раздуваю живительный жар в самоваре...
На стене фотография: дед молодой,
молодой, принаряженный дедушка-парень.
...На кого он похож? На царя? На меня?
Где мы с ним разминулись
среди белого дня?

1971

ДОМ

Вращался лист у входа в дом
над дверью, как на ниточке. . .
Семья сидела за столом,
тянула щи из мисочки.
В углу маячило бельмо
немого телеящика.
И лето по полу само
ходило кошкой вкрадчивой.
Сквозила гибкая ленца
во всех его движениях. . .
И чуб у юного отца
все падал в пальцы к женщине.
И два молочных крепыша
(загар — топленой корочкой)
под стол ходили не спеша,
как селezni — на корточках.
Стояла яркая гармонь,
как памятник, на кружеве.
Упавший нюхала лимон
собачка с тихим ужасом. . .
И было так у тех дверей
и солнечно, и истинно,
что я отпрянул поскорей
и застеснялся искренне.
Вращался бешеный листок,
сочился воздух розовый. . .
И был старинным мой восторг,
как церковь под березами.

1973

НЕКРАСИВАЯ УЛИЦА

Кривая,
с лицом, искаженным работой,
на ней отпечатки
не жестов изящных,
но — мысли и пота,
житейской печали.
Должно быть, тоска генерального плана
ее не коснулась.
Как речка, рожденная в кислых туманах,
она изогнулась,
собой повторяя течение жизни,
как чуткая совесть. . .
В ее подворотнях — смирения признак,
терзания повесть.
Здесь солнце иного значенья и цвета,
чем, скажем, на Невском.
Недаром квартиру на улице этой
снял Достоевский.

1983

ДОМ ТВОРЧЕСТВА

Сосны. Загород. Ужин. Глотаю лапшу.
Как ни странно, но я уже прозу пишу.
Буду жить незаметно. В дебаты не лезть.
Только мне почему-то не хочется есть.
В узкой комнате стол и диван раскладной.
Кто-то шьет на машинке стихи за стеной.
Посмотрю ли в окно — ночь прилипнет к очам.
Только я почему-то не сплю по ночам.
Вспоминаю тебя да смотрю в потолок.
Там, где ты ночевала, — пустой уголок.
Подморозило. Мартовский корчится снег.
Вот и утро вломилось. Большое, как век.
Двадцать первый небось?
Дует новью с полей!
Только мне почему-то двадцатый милей.
Тот, в котором я видел себя и тебя.
Тот, в котором я выстоял, скуку дробя.
Завывает метель на крутом вираже,
только мне почему-то не страшно уже.

1978

АКТРИСА

Старуха — бывшая актриса —
жила настойчиво, как дуб.
Она все нюхала, как крыса,
совала желтый ноготь в суп,
а после — в рот с губами в краске...
Завидя счетчик на стене,
всегда закатывала глазки:
«Жрут, паразиты, свет! А мне —
плати последние копейки!»
Сосала пряник на меду
и в нафталиновой телогрейке
стояла стойко на посту,
на кухне, сутками бесменно,
мешала стряпать, пить и есть,
стояла длинно, как антенна,
как несвершившаяся месть!
Но неизменно каждый месяц
в день пенсии, в день торжества,
вся отказавшись от «агрессий»,
ее сверкала голова!
Сверкала пьяными глазами...
И вот она уже — Кармен!
Трясет седыми волосами...
Готова к подвигам измен,
готова к ласкам и браслетам,
готова к пляскам прежних лет!
...И кости рук ее скелета
гремят, как пара кастаньет!

1959

ГЛАЗА КНЯЖНЫ

А мне всегда немного странно,
когда, теряя тишину,
заслышу песню про Степана,
про то, как он сгубил княжну...

Застолье грянет увлеченно
о том, как Разин (или — хмель?)
ту бессловесную девчонку
спровадил в волжскую купель.

Была бы, что ли, баба с перцем,
с шипами, оторви да брось,
а то — одни глаза да... сердце,
от страха белое небось.

Недаром приуныли братцы
и не стремится Филька в пляс, —
им стало, если разобраться,
весьма неловко в этот час...

И мне сдается: в миг ужасный,
когда над Разиным топор
сверкнул, взойдя, как месяц ясный,
не смерть ему застлала взор,

а прежде — взгляд княжны истошный
взошел, как смертная тоска,
и вдруг, мерцающая искрой божьей,
погас, прощая казака.

1980

ГОЛОС АВВАКУМА

Н. Кондаковой

Зима пеленает крестьянские хаты,
боярские жмет под бока терема,
царапает грубо царевы палаты
когтями крутого ума —
ума Аввакума!
Едва непогода
возноет в трубе дымовой,
всем чудится голос попа-греховода,
как огонь пепелящий, живой.
Зарядят дожди после снежного ситца,
и кажется — в капле любой
чарующий голос того супротивца
журчит над российской судьбой.
...А сам он, пихнув свои чада на дровни,
летит по сибирской земле.
На диком лице ни живинки не дрогнет —
лишь вера, как шрам, на челе!
Лишь вера в далекую, жуткую, злую
свободу любви и ума...
И тихо поет ему вслед аллилуйю
большая, как воздух, зима.

1979

МУЖИК НАД ВОЛГОЙ

Мужик в разорванной рубахе,
без бога, в бражной маете
ни о Вселенной, ни о Бахе,
ни об античной красоте —
не знал, не знает и... не хочет!
Он просто вышел на бугор,
он просто вынес злые очи
на расхлестнувшийся простор
и вот стоит... А Волга тонет
в зеленогривых берегах.
А может, знал бы о Ньюtone,
ходил бы в модных башмаках.
... Два кулака, как два кресала,
и словно факел — голова...
Еще Россия не сказала
свои последние слова!

1961—1984

* * *

Иссыкает листва на деревьях.
Дождь в крестьянской блестит бороде.
За деревьями есть ли деревни?
Оказалось, что есть... кое-где.

Значит, можно, гуляя по трассам,
набрести на гармонию в тишине?
Оказалось, что можно... Не сразу.
Как-нибудь, невзначай, по весне.

Дед глядит виновато и мудро.
Может, помнит «ашнадцатый» год?
Оказалось, что помнит... Но смутно,
как сквозь дождь, что идет и идет.

1982

СТАРАЯ ШЛЯПА

Старая шляпа на старых ушах.
Схлынул туман. Занимается утро.
Он научился помалкивать мудро,
дни коротая в лесных сторожах.
В Красном бору, где литая сосна,
в небо трубящая денно и ночью,
старая шляпа сидит на пенечке,
книгу читает. . . А книга — длинна.
Книга большая, как плашка сосны.
Кто ты, под шляпой? Пошто зачитался?
. . . Жадный под шляпой пожар разрастался!
Грозная мозг оплела новизна.
Дождь загрохочет по фетру полей,
солнце заварит под шляпой виденья —
сторож потрогает взглядом растенье,
благословит косячок журавлей.
Был он когда-то большим чудачком.
Гнался за славой в блестящей машине.
Где-то, болтают, стоял на вершине.
Но снизошел до травы. . . босиком.
Жук копошится в его бороде.
Шишку свалила на шляпу кедровка.
Божия села на книгу коровка.
Что это с ним? Очутился он — где?
. . . Здесь, на земле. На живом островке,
где человек успеваает подумать:
«Кто я — в разливах соснового шума —
старая шляпа? Пенек на пеньке?»

Шляпа, как колокол, раскалена!
Солнце течет по стволам золотое...
«Кто я?!» — и снова, как колокол: «Кто я?!»
И — ледниковой поры тишина...

1976

КОЛОКОЛЬЧИК

Н. Подковыриной

Полевые цветы у обочин.
Раздвигаю живую траву.
Голубой нахожу колокольчик
и картины бывшего зову. . .

Все мне видится — полдень морозный,
мерин землю копытами бьет;
и ямщик, пожилой и серьезный,
тот, который уже не поет.

Все мне слышится: в воздухе синем
колокольчик торопит домой!
И темнеет глазами Россия,
как река перед долгой зимой. . .

Все мне верится: нет, не окончен
заколдованный путь ямщика. . .
Колокольчик ты мой, колокольчик,
нет тревожнее в поле цветка.

1979

ПРОСЕЛКОМ

Р. Погодину

Подо мной велосипед,
он скрипит, не мазан.
Он ворчит, как старый дед.
У него — маразм.
Невеселые места...
А душе — отрада.
Колокольня без креста,
ниже — венчик сада.
Трактор скачет по буграм,
что-то сеют люди.
По проулкам и дворам
поросята блудят.
Стонет мой велосипед,
делает восьмерки.
Белобрысый шпингалет
вышел из каморки.
Улыбнулся и стоит,
потеряв штанишки.
И какие-то свои
делает делишки.
В землю вросшая изба,
над избой — береза...
Эти признаки — судьба,
доля, а не поза!
Городской, не я здесь рос,
внук красе и силе...
Здесь, под куполом берез, —
колыбель России!

1966

* * *

Б. Ф. Семенову

На перроне ходят люди,
ждут отправки кто куда.
Рядом в каменной посуде
«Кипяченая вода».

Пожелайте, воробышки,
мне ни пуха ни пера!
Пассажиры гложут книжки,
киселем ползет жара,

и шибает из вагона
всем, чем пахнет человек!
... Вот пакетик от бекона
на путях окончил век,

вот неясная старушка
что-то склюнула со шпал.
Вот земля — моя подушка,
на которой я поспал...

1965

МОНОЛОГ СТЕКЛОДУВА

Валерию Попову

Остекление души:
хрусталь надежд, фарфор желаний. . .
И домик маленький в глуши,
в прыжке от неба — на поляне.
Смотрю в бутылку на луну
и что-то, знаете ли, вижу!
Понаблюдав, иду ко сну,
но не ко дну, а чуть повыше.
. . . Пеку картофель на костре,
макаю в соль, золу сдуваю.
Родиться в этакой дыре!
И ведь живу! Не унываю.
Самостоятельно графин
вчера создал (на дудке выдул),
а после долго пил кефир,
который тут же мастер выдал.
А то, что на сердце стекло,
что вот глаза под цвет бутылки, —
что ж тут поделать? Ремесло. . .
Влекло, и были предпосылки.

1971

СВИДАНИЕ

Мы сидели чинно в парке,
ели пряники, молчали.
Пароход шипел и харкал
ниже парка — на причале.

Кто-то ерзал на гармошке
упоительно и тошно.
На деревьях пели кошки
одинокое и тревожно.

А на пристани у кассы
мы расстались, как на сцене.
Ели пряники напрасно,
без идеи и без цели.

Пароход затем отчалил,
увозя твою прическу.
Я остался на причале,
молодой и трезвый в доску.

1962

* * *

Был обвал. Сломало ногу.
Завалило — ходу нет.
Надо было бить тревогу,
вылезать на белый свет.
А желанья притихли...
Копошись не копошись —
столько лет умчалось в вихре!
Остальное — разве жизнь?
И решил захлопнуть очи.
...Только вижу: муравей
разгребает щель, хлопочет,
хоть засыпан до бровей.
Пашет носом, точно плугом,
лезет в камень, как сверло!
Ах ты, думаю, зверюга...
И — за ним. И повезло.

1971

ЗАБЛУДШЕЕ ДИТЯ

Ребенок вымочил усы
на дождесеющей погоде.
И две ладони, как весы,
как балансировали вроде. . .

Ребенок жалобно икал,
ребенок тонок, хил и гнулся.
Он сорок лет себя искал
и, не найдя, назад вернулся.

Стоит в осеннем мандраже,
дрожит, поддерживая брюки,
и не берут его уже
ни на руки, ни на поруки.

И никому до пьяных глаз
ни дела нет, ни интереса. . .
А век возносит к звездам нас,
голубоватый от прогресса!

1956

БАЛЛАДА О ПРИШЕЛЬЦЕ

В. Прохватилову

В час, когда, освещенный до дна,
мир лежал в состоянии транса,
побывал на земле сатана,
наследил и умчался в пространство...

С этих пор — оглянись — зарядит:
на дорогах, чертогах, на душах
отпечатки нездешних копыт
при желании глаз обнаружит.

...Как старинной работы трюмо,
озерцо созерцаю лесное,
и на лбу своем вижу клеймо,
и отмыть не могу, неземное!

Так иду я — судьбы поперек —
маскирую зловещую мету...
И под дьявольский тот козырек
никогда не пробиться рассвету.

1984

БАЛЛАДА О КОТЕ

У заколоченной калитки
на холодке панельной плитки,
как старый, брошенный треух,
валялся кот в жужжанье мух.
О, этот кот стихов достоин. . .
Он был невероятный стоик!
Ни рев машин, ни солнца ярь
не волновали эту тварь.
Всегда в одной и той же позе,
как царь мышей, почивший в бозе,
не злясь, не щурясь, не жуя,
лежал он пыльный, неопрятный,
уже нездешний, необъятный,
как смерть на ризах бытия. . .

1981

ТЯСОГУЗКА

Чешуйчатые палочки-ходули
и тулово яйцом... И повезло:
с лица земли ветра ее не сдули
и время в ступе дней не истолкло.

Идет она, удачу излучая,
и палочки, держащие яйцо,
сгибаются... И все необычайно.
И некое бахвальство налицо.

Сводили счеты Цезари и Бруты,
ракеты вырастали из пращи,
но, в древние чешуечки обута,
несла она сквозь мглу — свои хрящи!

Со мною поравнялась. Подмигнула.
«Откуда?» А в ответ: «Издалека».
И сдержанно и несколько сутуло
направилась в грядущие века.

1980

ПЕЙЗАЖ

Окраина города. Осень.
На стройке великая грязь.
По рельсам вагоны уносит
какая-то жгучая страсть!

А вот апельсиновый трактор
к оранжевой глине прилип.
Вот катится боком к баракам
какой-то подвыпивший тип.

...И вроде бы скромный пейзажик,
а все в нем цвело, шевелясь.
Бытовка горбатилась в саже,
дымок колобродил, вился.

И только ничейная псина
стояла недвижно, смотря
на новенький храм магазина,
открытый в конце сентября.

1968

ПУШКИНСКИЙ ЧАС

Кто там бродит по белому февралю
в лакированных туфлях и аглицком фраке?
Заблудился в России, в ее «улюлю»,
на дорогах безвременья, светлый во мраке.

Ни единого беса во псковских полях.
Бесы вышли на Невский и мчатся вдоль окон.
И выходит поэт на кибиточный шлях,
одинокий, — и в снах одинок он...

«Подвезите! Я вынужден... В Петербург.
И огромная просьба: не бейте лошадок.
Неприменно не бейте! Послушай-ка, друг,
ты ведь знаешь, что этого делать не надо...»

...Есть у каждой профессии бог свой, герой.
Не всегда он богами наземными признан.
Вы встречали на Мойке ночью порой
человека в цилиндре? То вовсе не призрак.

Это наша поэзия в пушкинский час
поверяет дозором былые владенья...
И пожалуйста, все, кто не умер меж нас,
постарайтесь очнуться на это мгновенье.

1973

ЛЕРМОНТОВ

В час, когда он упал, разразилась гроза
Ливень бил по земле бесноватой шрапнелью!
Все, кто против поэта и якобы «за»,
разбежались, накрыв дуэлянта шинелью.

Не осталось ни друга вокруг, ни врага.
Только небо, лицом почернев, горевало.
Никого на земле. . . Лишь сияли снега
выше молний и туч — на груди перевала.

В доме, что заменял ему клетку тюрьмы,
где он солнечный разум иронией пичкал,
простоватый священник, как после чумы,
покропил по углам бездсущей водичкой.

Мать Россия, сколь много в веках твоих зла,
сколько в душах холодных — гнетущего пыла!
. . . Небывалого миру птенца родила,
а когда он до неба поднялся — убила.

1974

ПЕСНЯ О НЕКРАСОВЕ

В небе звезды колеблются тусклые,
колоколенки спит силуэт. . .
Помнят люди нехитрые, русские,
как любил их великий поэт.
Болью братьев, как плетью, иссеченный,
и поныне встает за других
полосою несжатою, вечною —
неумолчный некрасовский стих!
Из лесов ярославских небуженых
вынес горькую песню нужды,
сам до стона последнего — труженик,
врачеватель людской красоты.
Не ценитель — целитель прекрасного,
мог и он о цветах и мечтах. . .
Но кипело иное в Некрасове:
кровь, и слезы, и гнев! (А не страх.)
В небе звезды колеблются тусклые,
фонари на Литейном во мгле. . .
Память вечная, добрая, грустная
укрывает его на земле.
Охраняет от хамов неистовых,
что горазды святое крушить.
И нельзя без Некрасова, истинно,
как без русской печали, прожить!

1978

ПРОЩАНИЕ С ЯСНОЙ ПОЛЯНОЙ

Над Ясной Поляной свинцовые тучи.
Не будет уже ни дождливей, ни знобче.
Все смотрится ярче, а значит — и лучше,
как эти снежинки, летящие с ночи.

Журчит в колее, обтекая колеса,
вода перед тем, как застынуть до мая.
Не будет уже допотопных вопросов,
а будет дорога — стальная, прямая!

Колени укутаны клетчатым пледом.
Снежинка сверкнула в ресницах-тенетах.
Не будет уже ни зимы и ни лета,
а лишь — ощущение любви и полета. . .

Швыряются липкою грязью копыта.
Возок исчезает в расхристанной роще.
Ничто не иссякло, ничто не избыто,
ничто в этом мире не сделалось проще.

1978

ЕСЕНИН. 80 ЛЕТ.

Могу представить Блока
согбенным старичком.
Жена белеет сбоку,
и тросточка торчком.

Взрывной и непослушный,
в зигзагах бороды,
вбегает в старость Пушкин!
И сразу с ней — на ты.

Бесстрашен и безбожен,
весь затаенный крик! —
но все ж представить можно,
что Лермонтов старик. . .

И лишь один. . . с гитарой,
с оравой прихлебал,
не умещался в старость,
как я ни представлял.

То чубом, то глазами,
то песней завитой,
то всей резной Рязанью
не лез в парик седой.

Вот он стоит сквозь возраст,
и стать его пряма!
Под русскою березой,
как молодость сама.

Стоит, как крест над храмом,
как музыка земли...
И на душе — ни шрамов,
ни пятен... от петли.

1974

ГЛАЗА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Предчувствие, предвиденье, предзнание,
пророческая проповедь в строке,
столкнувшихся в ночи веков — стенанье,
прядь тающих волос на ветерке.

Простреленность, продутость, просветленность,
ветшающие истины в дворцах
и некая без крыльев окрыленность
под кваканье подковок на торцах.

Прощание, прощенье, прорастанье, —
не процветанье. . . Заспанность корней.
И выгорело тело, точно зданье.
Но выстояли строки в дыме дней.

Признание, вознесенье, воскрешенье!
Надгробьем — вдохновенные тома. . .
И лишь в глазах все нету утешенья.
И правит в них печаль и царствует зима.

1979

КОКТЕБЕЛЬ

Не наважденье, не символика:
на склоне века, в сентябре,
сестра Цветаевой за столиком
клюет казенное пюре.

Давным-давно в глухой Елабуге
Марину выкрала тоска...
И вот сестра — старушка слабая,
как злак, проросший сквозь века.

Лицо в морщинах вулканических.
Потухла плоть. Но взгляд — прямой.
И повторяет мозг панически:
«Сестра Цветаевой!.. Самой!»

О, это имя, как излучина
береговая... Светлый ад.
Есть в этом имени измученном
какой-то стойкий аромат.

Кликуша, странница, пророчица...
И вдруг сестра... Как бы из сна.
И снова в слово верить хочется,
как в те благие имена!

1980

НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

Федору Сологубу

Под непогодой, как под прессом,
уходит в плечи голова.
И мелким бесом, мелким бесом
толчется в воздухе листва...

Влезает ветер боком в щели
и все наращивает гнев!
Как будто чертовы качели,
вершины шаткие дерев.

И жутко впитывать, и любо
мне воздух, от дождя рябой.
Там, на могиле Сологуба,
цветок танцует голубой!

Там голосистая калитка
в стене дождя... А дождь грибной.
Там Недотыкомка по плиткам
уходит плавно в мир иной.

Стою с нездешнею ухмылкой,
как перед классом новичок,
и, собирающий бутылки,
меня обходит
старичок.

1982

ОБЛОМОВ

О. Табакову

Земли российской лоно,
ширь — не хватает глаз...
Илья Ильич Обломов
садется в тарантас.
...Закутанного пледом,
подбитым под бока,
везут его по свету,
как чудо — сквозь века.
Отнятый у покоя,
изъятый у мечты,
в нем что-то есть такое,
чему причастен — ты...
Он делает приватно
визиты, хмур зело,
но хочет он обратно:
туда, к себе, — в дупло,
в российские туземцы,
где сон, как божий суд...
И никакие немцы
его уж не спасут.
...Нет, не на поле брани,
не на лихом коне
умрет он — на диване,
скорей всего — во сне.
Счастливый неудачник,
дань сердцу (не уму)...
Но почему я плачу,
смотря вослед ему?

1982

ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

Мир знал его другим — в блестящей оболочке:
в глазах его ленца текла, как летний мед,
в кудрях сверкал пробор, как молния среди ночи!
Одежда на плечах — укор журналу мод.

А нынче он как сад запущенный, заглохший.
В глазах его не страх — присутствие судьбы.
Он жив! Хоть обречен, как загнанная лошадь.
Ему уже не встать. Тем паче — на дыбы.

Нет, он не постарел за этот промежуток,
за свиток мудрых лет, что не встречались мы.
Он просто потускнел без прежних горьких шуток.
И света возжелал. И — вынырнул из тьмы!

Он медленно идет по лужам вдоль панели.
Небритое лицо купается в дожде. . .
И книга, как зверек, торчит из недр шинели —
неизданный трактат о Вечной Красоте.

1985

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В березовой рубахе,
в душистых сапогах
идет полями пахарь
с букетиком в руках.

Несет своей любимой
свой васильковый смех!
И вдруг — проходит мимо
ее, меня и всех...

Идет, уходит пахарь.
Дай бог ему — всего...
И пролетают птицы
сквозь тень и плоть его.

1971

ОТРАЖЕНИЯ

РУКИ

Стареют прежде руки: мы их видим.
Лицо нам заменяют зеркала.
В обратном, искаженном, плоском виде
зеркальной сказкой молодость прошла.

А руки. . . В шрамах, линиях, узорах,
в подробностях, они и в смертный час,
уложенные накрест перед взором, —
последнее, что видит влажный глаз. . .

1978

НЕНАПИСАННЫЕ КНИГИ

Мне снятся книги неживые,
которых я не издавал...
В них строчки корчатся кривые,
как травы, чуя сеновал.
В них мысли мечутся, невнятные,
в них знаков хаос и бедлам.
В них — лиц расплывчатые пятна,
томясь, бледнеют по углам.
Но я люблю их, эти книги,
как тех неявленных детей,
что плотью так и не возникли,
но тенью бродят меж людей.
Их боль не высказана миру,
в них немо все: восторг, мольбы.
И вечно прочь, и вечно мимо
влекут их плавные стопы...

1981

ПЛАЧ ЗА ОКНОМ

А. Любегину

Через час погаснет город,
расстегнет Нева мосты.
За таинственным забором
комендант польет цветы.
Тишина, как нить, понижет
осовелые дома. . .
И промолвит некто свыше:
скоро, граждане, зима.
А потом во тьме висячей
сквозь подушку, как сквозь гром,
я услышу: кто-то плачет
там, в пространстве за окном.
. . . И начну я тихо сборы,
влезу в обувь и пальто,
робко выйду в спящий город,
чтоб воскликнуть: плачет — кто?!
Но никто мне не ответит,
потому что всякий раз
мой вопрос относит ветер
в даль кромешную от нас.

1981

✽ * *

С. Давыдову

А вчера постучали в окно.
От испуга заняла утроба.
Постучали в окно, а оно
на восьмом этаже небоскреба.

Я не спрашивал: кто, почему?
Не спешил отгибать занавеску.
Не направил в крошечную тьму
луч огня нестерпимого блеска.

Я сидел молчаливо в гнезде,
не решаясь будить домочадцев.
Я-то знал: на такой высоте
люди добрые в дом не стучатся.

1979

✽ * *

Все в мире сдвоено, взгляни:
добро и зло, жара и стужа,
она и он, вода и суша, —
двоится все, куда ни ткни. . .

Две половины у луны,
два голубых у девы ока. . .
И только сердце одиноко
гнездится с левой стороны.

1979

ДВЕ КОПЕЙКИ

Гаснет облако ночное.
Меркнут в городе дома.
Где-то выше, надо мною
зарождается зима.

На висок легла снежинка,
вскользь пометила меня.
А под ней погасла жилка,
голубая от огня.

Тихо. Глухо. Воздух суше.
Жизнь, как в чаше, в голове...
Подо льдом в недвижимой луже
две копейки... Только две.

Свет фонарный. В промежутке
тьма. И вновь — фонарный свет.
В телефонной будке жутко.
Где же трубка? Трубки нет.

Дверь железная настырно
давит в грудь, как боль-беда.
Из пробитой в луже дырки
растекается вода.

1982

* * *

Уже по будням песен не поют,
а если запоешь — окрестят пьяным...
Пою теперь наедине с туманом,
где над болотом комары снуют.
...Стесняться петь и не стесняться врать.
А там придет пора — стесняться думать,
стесняться жить, стесняться умирать
(ах, как бы не наделать в доме шума!).
Так что ж вам спеть? Прошу. Любой заказ.
О тишине? О нерожденных звездах?
О том, как листья поедают воздух?
Иль что-нибудь вполголоса — про нас?
А что владеет сердцем — радость, грусть ли —
не все ль равно! Звенели б только гусли.

1971

БЫТЬ!

Наталье Банк

Не убивать, не врать, не красть,
не соблазнять жену чужую,
не баламутить носом грязь —
все это можно... зачастую.

И даже ближнему помочь,
и даже зверя не ударить,
и даже с тем, что скоро ночь,
смириться, вывесив фонарик...

Как много может человек,
танцуя в воздухе морозном.
(А что Земля, как не ночлег
на перепутье в танце звездном?)

...Но как же трудно в шесть утра
подняться в сорок лет с улыбкой!
Потом, когда трамвай, жара, —
беззлобно плавать свежей рыбкой;

добыв еду, уняв печаль,
пригрев любимую на грудке,
пить перед сном безгрешный чай,
чтоб ощутить весну в желудке!

И видеть небо! Видеть пасть
последней двери... Видеть космос...
А не убить, а не украсть —
ах, боже мой, как это просто!

1973

* * *

Передела ясная погода
свой сарафан... Закуталась в халат.
Благословляю все изломы года
и остаюсь по-прежнему крылат.
Меня чарует синяя дорога,
ее асфальт в блуждающем дожде,
и встречный взгляд рябины у порога,
и журавлиный угол в высоте...
И школьники, уже не просто дети,
и старая, уставшая трава.
...Ну, как ты там, двадцатое столетье,
в осенний час?
Скажи свои слова.

1966

ХОРОШИЕ МЫСЛИ

Хорошие мысли случаются, если
за вашей спиной — надежда
листает журналы в вельветовом кресле
и все так надежно.

Рука ее ловит на синем подносе,
как бабочку, чашечку чая.

И желтая челка, и желтая осень
покой излучают.

Хорошие мысли сгоняют усталость
с лица, как французское мыло.

«Спасибо, что вовремя к сердцу

прижалась!» —

«Да не за что, милый...»

Давай потанцуем! Пускай музыканты
играют нам блюзы и вальсы.

Танцуем на улице! Падайте, банты,
а платье — вздымайся!

Танцуем на улицу в белой одежде,
довольно под люстрой калякать!

...Но скверно на улице. Влажно и снежно.

На улице — слякоть.

Там ходят нормальные люди в заботах,
как в серых стандартных пальтишках.

Там ямы, заборы, там бегают кто-то,
взъерошенный слишком.

...А мы пересилим себя, перевысим,
танцуем наружу из башни!

Ведь тем и прекрасны хорошие мысли,
что с ними — не страшно.

1975

* * *

Страшней всего остаться одному.
Таскать по свету душу, как суму.
Стучать в дома, завешенные тьмой,
и всякий раз — не попадать домой.

К очередному двигаясь мирку,
где выдают любовь по номерку,
тому — сплясать, тому — погладить круп,
того обмыть, как обмывают труп,
другому — взвесить перышко ума...
Была б на гвоздь повешена сума.

1963

ГОЛЫЕ СТЕНЫ

Свежевозведенных голых стен
не боюсь. Жалею, что безлюдны.
Сунешь в печку парочку полен,
стол внесешь, надышишь — и уютно.
Я боюсь в оправе паутин
голых стен с торчащими геоздями,
с пятнами от выгнанных картин,
комнаты с ушедшими страстями,
комнаты с намеками на быт,
без обычных запахов домашних,
комнаты, где гривенник забыт
на паркете — маленький и страшный.

1957

* * *

Навеселе, на дивном веселе
я находился в ночь под понедельник.
Заговорили звери на земле,
запели травы, камни загалдели. . .
А человек — обугленный пенек —
торчал трагично и не без сознания,
как фантастично был он одинок,
заглядывая в сердце мироздания. . .
Навеселе, на дивном веселе
я спал и плакал, жалуясь Земле.

1961

* * *

В. С.

Я тихий карлик из дупла,
лесовичок ночной.
Я никому не сделал зла,
но недовольны мной.

Я пью росу, грызу орех,
зеваю на луну.
И все же очень страшный грех
вменяют мне в вину.

Порой пою, и голос мой
не громче пенья трав. -
Но часто мне грозит иной,
кричит, что я не прав!

Скрываюсь я в своем дупле,
и, в чем моя вина,
никто не знает на земле —
ни бог, ни сатана.

1965

* * *

Уходят праздные друзья,
и начинается мой праздник.
Я, как степенная семья,
разогреваю чай на газе.
Я, как примерный семьянин,
ложусь на островок дивана...
Как хорошо, что я один,
что чай желтеет из стакана,
что я опять увижу сны —
и в этих снах такая радость,
что ни любовниц, ни жены,
ни даже счастья не надо.

1960

* * *

Я сижу на кухне и курю.
Спят соседи, отложив делишки.
Через день — конец календарю.
Сгинул год, короткий, точно вспышка.
Ни семьи, ни кухонных страстей.
Старый чайник — все мое хозяйство.
Скоро век, как не было гостей.
Не живу, а как бы еду зайцем —
мимо, мимо...
Пьяненький сосед
вечерами говорит мне: «Кореш!»
...Я куплю весной велосипед
и уеду странствовать на море.
Будет ветер в спину подгонять,
будет солнце вмешиваться в спицы.
Лишь бы сердце чем-нибудь унять,
в каменную ночь не застрелиться.

1959

НОЧНЫЕ ПРОГУЛКИ

Для меня не писаны законы:
ночью спят, а я беру пиджак
и плетусь по штапельным газонам,
наполняю зеленью кулак.

Иногда я лихо (но не злобно)
рассекаю улицу не там,
по стреле, а там, где мне удобно!
Проникаясь нежностью к мостам,

я ложусь на влажные перила,
я свисаю в черную Неву,
словно я дремучая горилла
в сонных джунглях, а не наяву. . .

Но рассвет — трамваем ошалелым!
Снова быт за шиворот берет,
чтобы тело, глупенькое тело,
превратить из музыки в народ. . .

1965

* * *

Кого спасает шкура,
кого — огонь азарта.
Одних хранит культура,
других — обед и завтрак.
Тебя спасет помада,
его спасет работа.
Меня ж спасти не надо.
Мне что-то неохота.

1962

ПАМЯТКА

Ты сидишь за столом, на столе каравай.
А ведь утром ты мог угодить под трамвай.
Ты читаешь рассказ про охоту и дичь,
а в обед на тебя мог свалиться кирпич.
Ты ложишься в постель после дозы кино,
а ведь мог утонуть и сгореть заодно!
...Так что, милый дружок, улыбайся, сопя:
сколько разных смертей миновало тебя!

1969

* * *

Земля дрожала в эту осень.
Бегу...
Но — взорвана гора!
Теперь там гладко.
Горы сноят.
А память все вершины просит,
где я стоял еще вчера.

1962

* * *

На лихой тачанке
я не колесил,
не горел я в танке,
пальцем не грозил.
Не взлетал в ракете
утром... по росе.
Просто жил на свете,
мыкался, как все.

1969

* * *

Я сяду в поезд электрический,
поеду в загородный лес.
И отвернет соседка личико,
ко мне теряя интерес.
Закрывшись мятою газетою,
как за кулисами актер,
я «зал» сквозь дырочку исследую
не потому, что я хитер,
не то чтобы озорничая так
или скрываясь, как злодей,
а потому, что в час отчаянья
я не хотел пугать людей.

1967

* * *

Последняя за окнами пурга.
Ушло пальто в ломбардные бега.
Зато видна береза из окна.
Пришла весна. Зато ушла жена.
Записки не оставила. Права.
Плохой имела почерк. Как сова.
Пришли друзья. Зато ушли рубли.
Последние... Как мягко на мели.

1969

* * *

В саду цветы полужавяли.
Еще немного — и мертвы.
Меж туч светило, как в провале,
моей не греет головы.

Боюсь осенних помрачений,
когда вот-вот — и грянет снег...
Боюсь, как всякий злой, вечерний
и одинокий человек.

1960

ПРОСЬБА

А. Рулевой

Когда я стану стар для песен
и для тебя — а это будет, —
когда виски покроет плесень,
а голос сделается нуден,
тогда не нужно в богадельню:
свези меня, как в сказке, — в лес.
То будет утро. Будет ельник.
И что-то будет лить с небес...

1960

* * *

Вышел я из вокзала, —
хоть вались на асфальт...
Только что прикасалась!
Неужели не жаль?
Неужели не нужен?
Неужели всегда
оставаться мне мужем,
а мечтой — никогда?
... Я однажды расторгну
с этим городом брак!
Я с публичного торга
все отдам за пятак.
И родню, и влюбленность.
Все на свете... фигня.
Сяду в поезд зеленый,
и не станет меня...

1960

* * *

Горело здание...
Канатом
повисла в воздухе струя.
Горела ночь...
А там, на пятом,
на этаже, огнем объятom,
молчала форточка моя.

1962

* * *

Город, город, я твой помазанник,
я владыка твоих дворов.
Я твоею сажей измазанный,
я твоим здоровьем здоров, —
твоя почва и твой покров. . .
Я и город — одно творение.
Он — сияние. Я — горение.

1962

* * *

Постепенно становится все на места:
было синее небо, теперь — высота!
Раньше голову ветер ласкал, а сейчас,
а сейчас это вовсе не ветер, а — газ.
Там, где море гуляло и пело всегда,
там соленая попросту в яме вода.
Не береза глядит-улыбается в пруд,
а стоит древесина! И нечего тут...
И не годы летят, серебрясь от росы,
а какие-то там человеко-часы...
И не очи, а органы зрения вдруг
не любимый закрыл — а законный супруг.
...Все становится твердо на обе ноги!
Там, где разум сверкал, —
обитают мозги.

1967

* * *

В больничном саду за решеткой
отважно сидел я с красоткой.
На дереве плакали птички.
«Стреляли» курильщики спички.
Пришли на свиданье к старушке
с вязаньем четыре подружки
и вяжут... Расселись и вяжут:
береты, манишки, гамашки
и нечто — совсем не для тела...
Красотка сквозь зубы свистела,
курила, жевала окурки.
«Кругом, — говорит, — полудурки,
все вяжут... Вот я б им связала!»
И что-то такое сказала.
А люди вязали, сорили,
газон ковыряли и рыли,
сажали нарциссы, мимозы...
И многие прятали слезы.

1968

* * *

А. Урбану

Разбавлю скуку томатным соком
и пью несмело, уныло, боком,
косясь на двери из темной кухни.
В квартире пусто. Никто не ухнет,
никто не влезет спросонья в душу.
...Я долго строил. Теперь я — рушу.
Я строил песни, шкафы и семьи.
Был уважаем, хоть и не всеми.
Любил улыбки, сам улыбался.
Все строил домик, а он ломался.
Вот говорят мне, что нездоров я,
а я-то знаю, что скука — с кровью!
А не томаты, ох не томаты...
Здесь помидоры не виноваты.

1968

* * *

Давай пораскинем мозгами:
кто нас изобрел — не сварганил,
не вырастил в жалкой пробирке? .
Кто вставил нам зрение в дырки?
Кто слушать подбил не угрозы,
а слезы людские и грезы?
Кто тело нам кровью наполнил?
Кто мысли взгорбатил, как волны?
Кто верой замкнул наши токи,
почуяв, как мы одиноки?

1968

* * *

Знать, опять несдобровать!
ночь, больничная кровать,
няня, ночь, тупой укол.
В сердце вата, в горле — кол.
Умирает в парке дуб.
Прокисает в миске суп.
На ветру дряхлеет камень.
Машет прошлое руками,
помирает... Хлам, ничком...
В сердце вата, в горле — ком.
Ночь. Сосед. Храпит. Больной.
Плохо с ним. А что со мной?

1968

* * *

Устал, обмяк, прилег, поник.
Ни стон не вырвался, ни крик.
Ругался ворон на сосне.
Катилось все вокруг — к весне.
Набрякли почки, снег издох.
Земля дышала: выдох, вдох.
А он устал, обмяк, прилег,
и глаз дотлел, как уголек.
И веки сон ему смежил.
Но — бормотали струны жил. . .

1968

* * *

«Вы» ли, «ты» ли, ангел, зверь, —
как мне звать ее теперь?
Мы проходим с нею рядом.
Голубь падает снарядом.
Подстригает дед газон.
Деду стричься не резон:
борода до голенища,
в бороде — для птичек пища.
Вырос милиционер
привиденья на манер.
С высоты многоэтажной
опадал кулек бумажный.
А сквозь все виденья плыли
«я» ли, «ты» ли, «вы» ли, «мы» ли...

1968

* * *

Давай попрыгаем, как в детстве,
вокруг цветка, что воспылал!
То не причуда и не средство,
но как бы древний ритуал.
Раздвинь волос ночные шторы,
в мою ладонь — забрось ладонь.
Ты ощущаешь: осень скоро?
Погладь меня улыбкой, тронь!
. . . Но перед тем, как в землю ляжем,
давай попрыгаем, попляшем.

1968

* * *

Недомолвки, кривотолки...
Я лежу на верхней полке.
Еду в сторону рябины,
земляники, кур, скотины.
Недоверье, лицемерье...
Здравствуй, бабушка Лукерья!
Я покинул край ехидный —
бражный, суетный, солидный.
Ты мне баньку истопи,
помолись и — усыпи...

1968

* * *

Городок одноквартальный.
Дождь идет провинциальный.
У конторы дремлет «газик».
На крыльце под стружкой — тазик.
За углом в пустой столовке
режут лук — хрустят головки.
На реке в тоске-печали
пароход повыл — отчалил.
Пробираясь в дом культуры,
чьи-то горбились фигуры.
Две собаки, зло и шустро,
объяснялись в нежных чувствах.
Нахлобучив капюшон,
был я весел и смешон.
Мой ботинок острым носом
загибался вверх
с вопросом.

1969

* * *

Местопребывание — Земля.
Времяпровождение — Эпоха.
Поиграю в реки и поля
до поры, пока не станет плохо.
Заночую будущей весной
на уютном кладбище России.
И склонится ветка надо мной,
как-то вдруг по-женски обессилив.
А потом я встану, но... не я,
и опять возрадуюсь погоде!
И моя веселость, не моя,
растворится музыкой в народе.

* * *

В четырех стенах темно.
Свет зажечь или не надо?
...Постучите мне в окно
кто-нибудь из Ленинграда.
Пальцем дворника, тоской
девушки, которой тошно...
Обещаю всем покой,
всем, кого расслышать можно.
Постучите кто-нибудь:
песня, что уснуть не хочет,
плач, который чью-то грудь
точит...
Обещаю не матрас —
сердце... если это важно.
Потому что мне без вас —
страшно.

1965

* * *

Не хочется нынче ни песен,
ни умных речей принимать,
а хочется встать под навесом
и стебли у ливня ломать.
Чтоб ветром в лицо заносило
огромные капли воды.
Чтоб ливнем тревогу гасило,
чтоб рядом — промокшая — ты.
И чтобы молчанье, молчанье...
Воды клокотанье и мчанье.
А мы чтобы — вовсе ни звука!
Иначе разлука... Разлука.

1965

* * *

Превратиться в мелкий дождик,
зарядить на много дней...
И на город толстокожий
тихо падать меж огней.

Или трогать гриву леса,
еле листья шевеля.
Или нежностью небесной
гладить сонные поля.

Слиться с речкой безымянной,
целовать людей... Устать.
А затем в рассвет туманный
поредеть и перестать.

1966

* * *

Сегодня снег и алые осины,
и неизменны сосны — надо всем.
И снова кошки шастали босые,
и, как всегда, повешенный висел
фонарь
над той покинутою дачей.
И тишина все ширилась в груди.
И улетали птицы. Не иначе —
им что-то снова брезжит впереди.
Остались воробьи да две вороны.
Осталась в сердце — ручейком весна...
И я все реже выхожу к перрону:
ты не вернешься...
Долог путь из сна.

1966

* * *

Тревога позже родилась,
когда уже уплыл автобус.
Ночь навалилась, точно власть.
Дождь по асфальту так и хлопал!
Землетрясение души —
тревога,
где твои начала?
Не в зароженье робкой лжи,
а в том, как женщина молчала...
Как безучастно, а не зло
с лица она сгоняла воду.
И как смотрела сквозь стекло
не на меня — на непогоду.

1971

КАПЛЯ

Пронзительна чистая нота
единственной капли дождя,
упавшей до общей работы,
что грянет мгновенье спустя.
Одна... Пронеслась, рассекая
свет солнца, чиста и горда!
... А дождь — это все-таки стая...
Стихия. Простая вода.

1971

* * *

На заливе, на пляже
ветер вдоль-поперек.
Будто праздник вчерашний,
заколочен ларек.
Голубые диваны
сбились зябкой толпой.
И зелено-стеклянный
монотонен прибой.
Небо — миг, и заплачет.
Погрустнели и мы.
Вот из выцветших дачек
вылезают дымы.
Забираюсь поглубже,
поплотнее в пиджак. . .
И мне вовсе не хуже.
И не лучше.
Никак.

1966

* * *

Жил, как дрался: до упада!
То — на улицах войны,
то — под сенью Ретрограда,
то — под крышей Новизны.
Был в мечтах свободней птицы,
корчевал в себе раба.
Как-то даже был убийцей:
раздавил впотьмах клопа.
Был сопливым, был нелепым
и свирепым был, как бой!
Кем я только в жизни не был!
Даже был самим собой. . .

1970

* * *

Миг появления плоти из-под снега,
рывка растенья в сторону небес!
Благословенна русская телега,
ее скрипенье, вторгшееся в лес.
И вновь мужик бушует с кнутовищем,
а сивый мерин ухом не ведет.
И снова птица праздничная свищет,
и снова солнце празднество блюдет.
А города, далекие от леса,
особняком камня сочленя,
не пробуждают больше интереса
ни у моей души, ни у меня.
Наверно, я задуман был иначе:
лохматым кедром, серым валуном, —
не человеком. . .
Вот стою и плачу.
И никакого смысла в остальном.

1963

ТЕРЕМОК

Темный бор, за ним бугор.
На бугре — крестьянский двор.
В синих окнах темнота.
И подперты ворота.

Эй вы, сонные тетери,
отворяйте настежь двери!
Я вернулся из похода,
веселигся мне охота!

Тишина вокруг, покой. . .
Ни собачки никакой.
Хоть бы жареный петух
потревожил духом нюх.

Обойду сторонкой двор.
Сяду я да на бугор.
Да открою лимонад.
Буду весел, буду рад.

1980

* * *

Разворошить, как муравейник,
весь мир загадок и задач. . .
Пошто в кармане нету денег?
Когда казнит себя палач?
Кому любимая дороже —
себе ли, мужу или мне?
А крокодилы ходят лежа,
поди узнай — по чьей вине?
Когда возникло все живое
и неживое? Почему?
И почему рождается двойня,
а я и ты — по одному?
Кто муравьем таскает тяжесть,
не пожелав владыкой стать?
Разворошить. Разбудоражить!
Сесть на пенек и — наблюдать.

1964

* * *

Переулки Перми — деревяшки.
Как старушки глухие — дома...
Я кого-то ищу по бумажке,
а найти не хватает ума.
На столбе беспризорный фонарик
огоньком папиросным в ночи.
Кто-то молча на сонной гитаре
запоздалую песню бренчит.
Впереди замаячили купно
этажи, ослепительный свет!
...И кого я ищу неотступно,
все равно в этом городе нет.

1964

ТРЕТЬЯ ЛЮБОВЬ

Пора листопада, распада, а в мышцах — забота:
хожу до упада, до скрипа, до крупного пота,
хожу по ландшафту в надежде куда-то приткнуться.
Под радужным шарфом — десяток намерений куцых.
Спаси меня, боже, от встреч и моторного шума.
Не хочется больше ни есть, ни делиться, ни думать.
Два дерева встретил: растут на лиловой поляне.
Я стану здесь — третьим. Лесник, зафиксируй
на плане.

Я тяжкие ноги вкопаю в душистую почву
и здесь без тревоги застыну на долгие ночи.
А город, а плиты, где лада стучит каблуками,
да будут залиты, как морем, моими стихами
о хлебе, о боге, о песне, что пела нам дева!
Как скованы ноги свободой — у третьего древа.
Как робко вцепились в материю родины корни...
Как гордо любилось! Как любим отныне покорно.

1974

* * *

Окутали тело могилой,
на память оставили крест.
И черные сучья-стропила
дубы распростерли окрест.

А где-то в тумане России,
по-прежнему страшно спеша,
в ботинках на толстой резине
его пропадает душа...

1965

* * *

В. Кожин

Я пойду далеко за дома,
за деревню, за голое поле.
Мое тело догонит зима
и снежинкою первой уколёт.

Заскрипит на морозе сосна,
под ногами рассыплется лужа.
Станет нежною сказкой весна,
станет былью жестокою стужа.

Буду я поспешать, поспешать.
Будут гулко стучать мои ноги.
А в затылок мне будет дышать
леденящая правда дороги.

1965

* * *

Ходит луна по уснувшим вулканам.
Взглядом накрою ее, как стаканом.
Молча и плавно летучие мыши
делают ночь и темнее, и тише.
В нашей избушке как солнышко — свечка.
Топится бочка — нехитрая печка.
Радио вылило вздохи рояля.
. . . Дали клубятся, российские дали.
Книга закрыта, уснули страницы.
Мне моя женщина больше не снится.
Снится Земля, голубая, как детство.
Бездна пространства.
И — некуда деться.

1967

* * *

Ночь. Тропа. Луна в разгаре.
Ветки шарят по лицу.
Улеглись лесные твари,
травы сбросили трясу.

В речке будущие шпроты
притушили рыбий глаз.
На меня — царя природы —
наплевать им в этот час.

В сапоге скулит печально,
поет старая мозоль. . .
Никакой я не начальник,
пуп земли, а также — соль. . .

Меж камней и меж орясин
пробираюсь молча я,
словно старый тарантасик
на ухабах бытия.

1967

НА ДЕВЯТОМ ЭТАЖЕ

Высоко я живу. Высоко и вольно!
Надо мной толчея измочаленных туч.
Я давно не спускался на пешее дно
со своих коммунально-подоблачных круч.
Иногда я курю. Невесомый дымок
улетает в окно, как частица меня.
Иногда я на землю бросаю плевков,
предварительно голову набок склоня.
Оставаясь под крышей, я верю мечте,
что однажды я стану одною из птиц. . .
По какой-то незримой, но плавной черте
я мелькну, улетаю, при свете зарниц.

1965

* * *

А Б.

Кирпичного здания в инее крылья.
Кирпичная стужа. Пальто,
которым ходячее тело укрыл я,
чтоб душу не видел никто. . .
Реклама повисла горячечным знаком,
бросая по букве во тьму.
Земной и небесный покой одинаков,
как в нашем кирпичном доме,
как в нашей кирпичной громадной коробке,
набитой покоем и тьмой. . .
Смотрите, как дико идет он и робко
на лобное место — домой.

1964

* * *

Я иду по уснувшей Неве.
В голове у меня — чистота.
Намекает на близкий рассвет
на Исакии вспышка креста.
Разъезжаются ноги на льду.
Я иду коридором Невы.
Кто-то съежился весь на мосту
наподобие спящей совы.
Но чернее, чем все, — полынья.
Я ее огибаю... пока.
В ней пульсирует кровью струя,
словно взрезана чья-то рука.
...Я иду по прекрасной Неве.
Рассветает в моей голове.
Одеваются мысли в слова.
И меня понимает Нева.

1965

* * *

Провода сплелись над улицей
Паутинкой. . .
Тонны груза.
Старичок на небо хмурится.
Продают впотьмах арбузы.
Я иду. . . Ларьки сутулятся.
Навевает вечер грусть.
Ну и ладно. . . Ну и пусть.

1963

ФОНАРИК

Еле зримый окна переплет.
Что-то в мире сломалось снаружи.
Глянь, фонарик померкший плывет,
словно рыбка, в густеющей стуже.

Почему я не сплю, почему?
Что-то хрустнуло в мире, но скоро
я его заменю, почию —
тот фонарь на вершине простора.

А пока привыкай к темноте,
натыкайся, душа, на пустоты. . .
Где товарищ, любимая — где?
Молчаливая родина, кто ты?

1980

ПОЕДИНОК

Мне говорят: «Бери топор!
Пойдем рубить кого попало!»
А я багряных помидор
хочу во что бы то ни стало.

Мне предлагают: «На́ деньгу,
купи жену, купи машину!»
А я кричу: «Кукареку!» —
поскольку так душа решила.

Меня хватают за рукав:
«Пошли в кабак! Попарим душу!»
А я в ответ на это: «Гав!» —
и зубы страшные наружу. . .

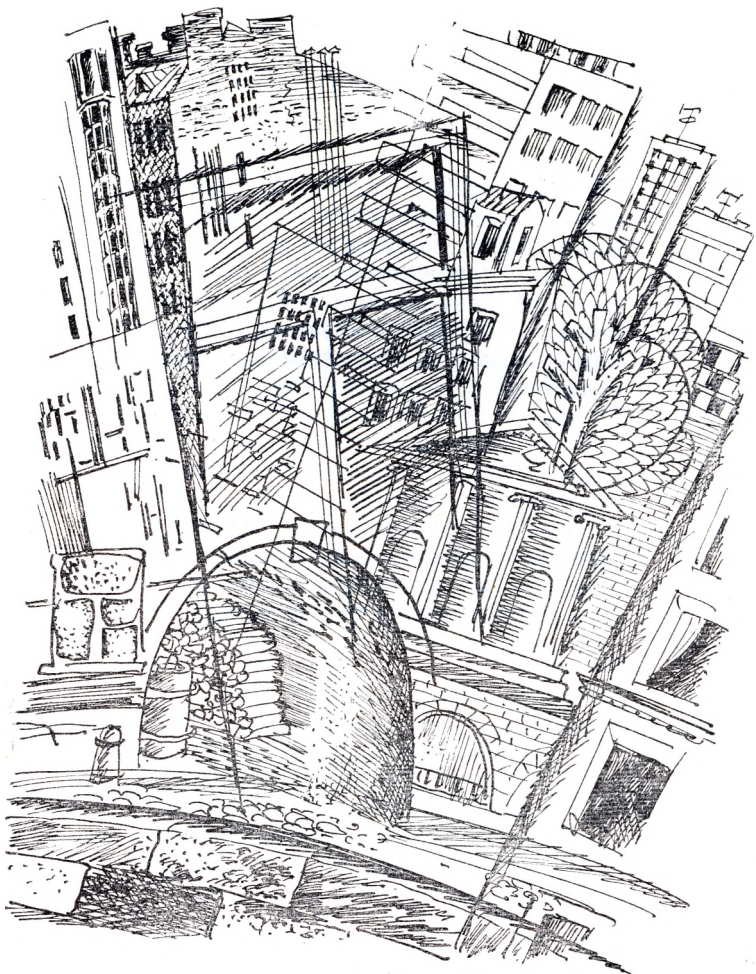
Зовут, скулят. . . Устали звать.
Молчат угрюмою гурьбою.
А я хочу поцеловать
вот это небо голубое!

1966

ГЕОМЕТРИЯ ГОРОДА

Углы дворов, кошачий запах
и кубометры прелых дров.
Огромный пес на тонких лапах
имеет варево и кров.
Студент, который купит студень,
снимает угол на двоих.
Из окон дома смотрят люди,
и угол зрения у них
вмещает думы о картошке
и межпланетной суете. . .
И чьи-то розовые ножки
на стоэтажной высоте,
и стекла — мокрою тряпичей,
чтоб что-то видеть в этой мгле.
. . . И нерожденным людям снится,
что все иначе на земле.

1969

* * *

Ю. Шигапову

Всю ночь собака лаяла надсадно,
и мчались облака, облитые луной,
плыл аромат, кочующий из сада,
и образы клубились надо мной. . .
Вот тоненькая женщина в объятьях
дождливой улицы возникла. . . Или вот —
над куполом, над городом распяты
сбежавшего распятого зовет. . .
То чья-то радость вспыхнет и погаснет,
то чье-то зло выходит из орбит.
Вдруг, словно ветер, налетает праздник
на человека, что устал и спит.
. . .Всю ночь собака лаяла и выла.
Всю ночь душа видения ловила.
Всю ночь из умирающего сада
в окно текла душистая прохлада.

1961

* * *

Я сижу за оконной рамой,
мне — не хочется
шевелиться. . .
Родила меня —
просто мама,
а могла бы родить —
птица,

1960

* * *

Рассматриваю землю в микроскоп.
Колесико ребристое вращаю. . .
Вот вспыхнул хризантемою микроб!
Живи, малыш, я все тебе прощаю:
твой путь уныл.
А рядом — что за груз?
Должно быть, это — атомы железа.
Из них построил башенку француз
в своем Париже. . . Ради интереса.
А вот скользит в пространстве не спеша
печальный пузырек вялообразный.
Держу пари: тот пузырек — душа
философа, что ищет мир прекрасный!
Вращается колесико. . . Я жду.
И вот в пылинке вижу тело мира
насущного:
окно, жена, квартира,
мой стол и я. . . в мистическом поту.
Вращается под линзами Земля,
и вижу я моря и рек извивы,
там нежные лирические нивы,
а там, как встарь, скопление ковыля.
Вращаются расчеты и мечты. . .
. . . Смотрю на мир вооруженным глазом.
А на меня, на мой удел и разум,
ужель никто не глянет с высоты?!

1973

НЕДО...

Недосказать, недопрощаться,
не наглядевшись, мчаться прочь,
терять безропотно, столь часто —
и все потери превозмочь. . .

Какая страшная способность
дана кочующей душе.
. . . И лишь однажды, в час особый,
притормозить на вираже.

В каком-то садике случайном
при повороте сонных глаз
вдруг распознать Ее начало
и, ошалев, пуститься в пляс!

И обомлеть при встрече с Нею,
и следом жалобно плестись,
светлея, а не сатанея
и глядя только в небо, ввысь!

Но чаще. . . Чаще это — «недо. . .».
Недосветить, недогореть,
недообнять, недоразведать,
недовозникнув — умереть.

1973

* * *

Я славлю страницу пустую,
куда не ложились чернила.
Я, может быть, чаще бастую,
чем вся безработная сила. . .

Бастую над свежей страницей,
над чистой, как рожица дочки. . .
Ведь что напишу — не простится,
ни даже последняя точка.

1960

* * *

Это кровь во мне гудит,
это, жадный и клыкастый,
рыжий зверь во мне сидит.
Что ему — поймать,
сграбастать,
смять на шее позвонки,
душу вырвать, точно печень!
Он сжимает мне виски
неизменно каждый вечер.
Зажигаю я глаза —
два сигнала: осторожно!
Встречный, жми на тормоза,
потому что — все возможно.
Потому что, зол и зычен,
зверь выходит на добычу.

1965

* * *

Хожу ночными тропами
в таинственном лесу. . .
Ни шороха, ни топота —
весь мир как на весу.
Несу остатки шепота:
«Послушайте, послушайте. . .»
Вздохнете — все разрушите.

1962

* * *

Н. Кузьмичеву

Разорву воротник. Приспособлю под голову кочку.
В рот налью ледовитой небесной воды.
Я сегодня устал. Я едва дотащился до ночи.
Капли пота, как птицы, в колючих кустах бороды.
Я пишу эту песню широким размером сказаний.
Это зрелый размер. Это говор дремучих лесов.
Я на солнце смотрю раскаленными злыми глазами,
а затем закрываю глаза на железный засов.
И живу. Тишина. Только кровь куролесит.
Зверь обходит меня. Облетает меня воронье.
Я серьезен. Я камень. Я все перетрогал и взвесил.
И всего тяжелее — раздетое сердце мое.

1962

И ты мне кричишь, обнимая: «Мальчишка!»

И счастливы мы.

Ты смотришь большими, как завтра, глазами,

укрыв мое сердце в своем. . . И плевать,

что мне по дороге к тебе не сказали,

на что уповать. . .

1974

* * *

А. Мореву

По ступеням к морской разудалой водичке,
по уступам из серых граненых камней. . .
Оставляю одежды, надежды, привычки —
уступаю воде: приношу себя к ней.

Мне еще на заре, на вокзалах скитаний
обещала гадалка беду от воды.
Уступаю воде. . . Но умру не в стакане:
в синем море, где рыбы разводят цветы!

Надоело. Устал уступать шарлатанам,
хитроглазым машинам, имеющим вес. . .
Уступаю воде! Мировым океанам!
Обжигаящим звездам, что плачут с небес. . .

1975

* * *

Мало толку в пейзажах,
зеленеющих скромно,
а значение, скажем,
труб фабричных — огромно.
Мало важного в небе,
в экс-лирических тучках.
Квинтэссенция в хлебе,
в суете, в нахлобучках!
. . . Я лежу на лужайке,
на асфальте в берете,
рядом вкусные гайки
лизжут умные дети.
Я лежу конструктивный,
я лежу мозговитый,
не банальный, спортивный,
с черной оспой. . . привитой.

1960

* * *

Непогода морщит лужи,
ноги ноют, хоть ложись. . .
Иногда поплакать нужно:
как-никак — проходит жизнь.

Нужно все переначить,
жить сначала в сотый раз.
Небо тоже часто плачет,
а ведь небо — выше нас. . .

Непогода. Осень. Просесть
снега первого в лесу.
Человечек счастья просит!
Блещет капля на носу.

Он идет. . . и даже птицы
притаились, как мокрицы.

1964

* * *

Человек за моею спиною.
Он идет уже долго за мною.
Я меняю маршруты,
плутаю,
в магазины и бани
влетаю;
серой мышью ныряю в метро я,
а за мной уже топают
трое.
Покупаю в киоске газету,
не курю, а жую сигарету,
из вчера выбегаю — в сегодня,
а за мной уже целая сотня.
Я стараюсь от них отвертеться.
Я решаюсь на пляже раздеться.
Накрываюсь газетой. . .
И что же?
Их такое количество, — боже! —
что, сутуля покорные плечи,
я тихонько иду им навстречу.

1965

НА ЕДИНЕ

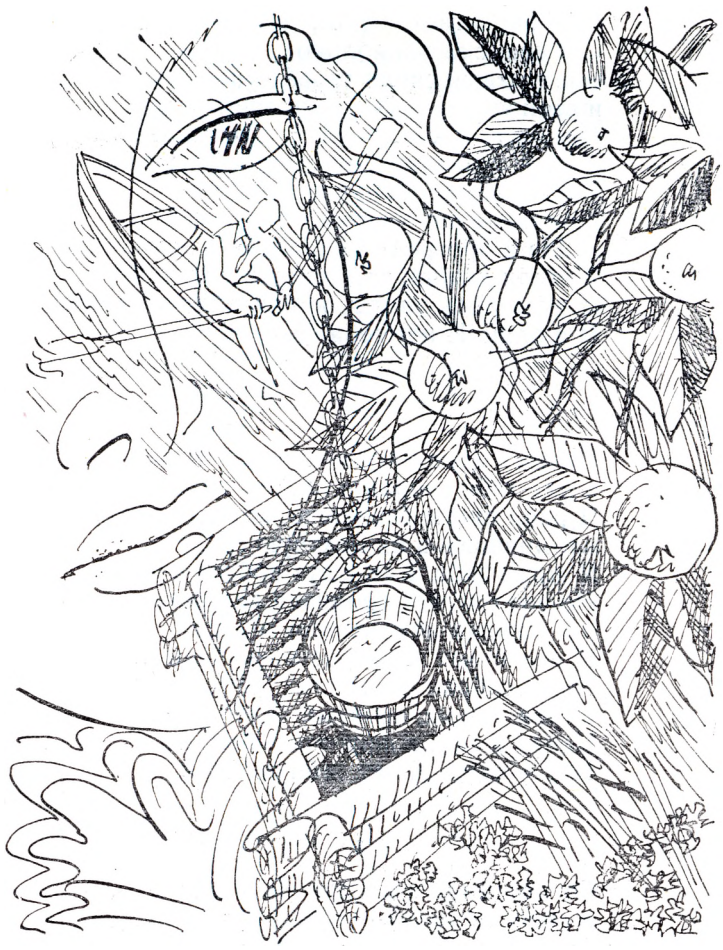
Б. Дряну

1

Изнанкой листьев тополь серебрится.
Под деревом колодец. Чья-то речь.
Сюда приходит память по водицу.
Поможем ей, студеную, извлечь.
Я мысленный в себе раскручиваю ворот
и медленно, как раб, роняю вглубь бадью.
Разматываю цепь. . . И вижу перед взором
банальную историю свою.
Разматываю цепь. А сердце, точно кладезь,
прозрачностью налито ледяной.
И цепь прожитых лет мои ладони гладят.
И я один. И нет тебя со мной.

2

«Эй, перевозчик!» — слышу я игривый,
чарующий, но чуждый голосок.
Хватаю весла, прыгаю с обрыва,
бросаю лодку вверх — наискосок!
На голос жизни! Ложная тревога. . .
Перевожу чужое взад-вперед. . .
Но ради жизни, то есть — ради бога! —
кто самого меня перевезет
на тот — любви — высокий берег доли?
Река шумит и манит глубиной.
Я так свободен, что ищу неволи.
И я один. И нет тебя со мной.

Сад зарастает сором, неухожен.
 Снимаю с ветки яблоко. . . И вот
 мне слышен скрип твоей душистой кожи
 и стон зубов, легко вошедших в плод.
 Сок на губах! Коснулось солнце плоти.
 Ликуй, душа, ведь праздник на дворе.
 Гей, соловьи! Напрасно не поете.
 Молчанье пригодится в сентябре.
 . . . Но я прозрел так быстро. Так жестоко.
 Я ствол душил, как женщину весной!
 И рушились плоды, кропя планету соком,
 И я один. И нет тебя со мной.

Ночных цветов букет неразличимый
 я для тебя собрал в глухом саду.
 Я рвал цветы бездушно, как мужчина,
 вломившись в их пахучую среду.
 Я ждал тебя. Как ждут победу в гости.
 Но вот рассвет пролился на цветы,
 и я разжал измученные горсти.
 И пал букет предчувствием беды. . .
 Что я собрал впотьмах? Какие всходы?
 Осока. . . мох, повитый беленой. . .
 Искал я сад, а посетил — болото.
 И я — один. И нет тебя со мной.

От палисада к призрачной дороге
 в снегу лопатой — тропочку торю,
 чтоб не озябли маленькие ноги,
 которые ревную к январю.

Стряхну с плеча молчанье зимней ночи!
И вот — шаги! Я слышу аромат
твоих духов. . . и гóлоса звоночек!
И слов разрывы в воздухе дымят. . .
«Я возвратилась! Пусть мне будет хуже. . .»
Смотрю туда, где ласк обещан зной,
и ничего не вижу, кроме стужи. . .
И я один. И нет тебя со мной.

1977

С Н Ы

1

Ходят тени улочкой,
обувью скользят.
Вон идет снегурочка
и сверкает вся.
Знаками дорожными
души вдоль зимы:
злые, осторожные,
порожденье тьмы.
От прошедшей радости
втаял в землю след.
На фронтоне градусник —
минус тридцать лет. . .
В дыме я и в инее,
в пепельном снегу.
Как трамвай по линии
утренний, бегу.
А моя снегурочка?
Да ее и нет.
Только пар из булочной,
городской рассвет.

1963

2

Я видел маленькое чудо:
в струе прохожих не спеша
(куда, не знаю, и откуда)
моя протопала душа.

Она была, как после бани,
чиста и розово-светла.
В ее мальчишеском кармане
смешная искренность жила.
К ее застиранной рубашке
был смех приколот, как значок. . .
И не присутствовали страхи,
не сквернословил язычок.
Как я бежал душе навстречу,
и звал, и выбился из сил!
Какие пламенные речи
я над душой произносил!
. . .Но — испарилась, растворилась,
рванулась к белым облакам. . .
И оскорбленно сердце билось,
вновь тяготея к пустякам.

1963

3

На льдине Северного полюса
окоченевшею рукой
зачем-то глажу свои волосы,
зачем-то слушаю покой.
Рекламы зимнего сияния
остекленели в небесах.
Все тише песня состояния,
все больше холода в глазах.
Я на себя — на вбитый колышек —
уже гляжу со стороны.
И все поглаживаю голову,
что тяжела от тишины.
Затем заиндевелым голосом
кричу о помощи. . . И ночь,
бесчеловечная на полюсе,
ничем не может мне помочь.

Я ухожу, скрипя подошвами,
и я не плачу, я — иду.
И что-то самое хорошее
припоминаю на ходу.

1963

4

Плита чиста. Могила без названья.
Два лопуха — в ногах и в головах.
Сажу на металлическом диване,
как птица или скорбная вдова.
Я знаю, что лежу под этим камнем,
что я исчез с лица моей земли,
что я лежу в ней — к западу ногами,
что женщины меня — не сберегли.
. . . Удар слезы потряс лопух дремавший.
Известно, что я умер молодым.
Что я зарыт в поношенной рубашке,
голодный и нечесаный, как дым.
По кладбищу слоняются старухи
неслышные, как заспанные мухи.
А я лежу, считая от тоски
слоновые старушечьи шаги.

1959

5

Сначала вымерли бизоны
на островках бизоньей зоны.
Затем подошли бегемоты
от кашля жгучего и рвоты.
Косули пали от цинги.
У мух отнялись две ноги,

но мухи сразу не скончались. . .
И дикобразы вдруг слегли,
еще колючие вначале,
но вот — обмякли, отошли.
Оцепенела вдруг собака.
Последним умер вирус рака.
Когда иссяк над миром смех,
на землю выпал толстый снег.
Снег на экваторе искрился,
снег в океанах голубел,
но санный след — не объявился
и шинный след — не проскрипел.
Машины снегом заносило,
торчали трубы — пальцы труб.
Земля утрачивала силу.
Все превращалось в круглый труп.
. . .И только между Марсом, правда,
да между умершей Землей
еще курили астронавты
и подкреплялись пастилой.
Сидели молча, как предметы,
с землей утратившие связь.
И электрического света
на пульте вздрагивала вязь.

1959

6

Я забираюсь на колени
громады бога-мужика.
Полна величественной лени
его гранитная башка,
и грудь, упитанная дивно,
и руки, сползшие к ногам. . .
А с неба солнечные ливни,

лучась, пронзают птичий гам.
Рукою мизерной и грешной
стучу я в каменный пупок
и говорю, что я нездешний,
что я всего лишь — с ноготок,
что — поиграй со мною, дядя,
что мне без кукол — каково?!
. . .И он молчанием погладил
мое живое существо.
Потом чихнул!
И вот, пылинка,
я мчусь в неведомую даль,
обутый в прежние ботинки,
одетый в прежнюю печаль.

1963

7

Переезжало меня поездом,
и ахали в толпе девчонки.
Колеса шли повыше пояса,
пониже сердца и печенки.
Колеса мрачные не резали
меня на обе половинки.
Они подпрыгивали весело,
как тротуарные ботинки.
Я надувал живот растерянно,
и трепетал компрессор легких.
Я жил, раздавленный, уверенно,
как в проводе подземном — токи. . .
Состав прошел, на стрелках ухаю,
и красные огни — вдаль вехами.
Я встал, прелестный воздух нюхая,
потер живот, что переехали.

Никто меня, коль не положено,
не перережет, не осилит!
Глядела искренне восторженно
все еще русская Россия.

1963

8

С вершины Петропавловского шпиля
я сделал шаг и медленно пошел. . .
Внизу седые здания застыли,
присыпал камни снежный порошок.
А я шагал, и воздух онемелый
похрустывал по-зимнему в ногах. . .
О, наконец-то уличное тело
в таких роскошных числилось бегах!
Потел завод, отплевываясь дымом,
спала Нева; и медный государь
все уезжал
куда-то вдаль и мимо,
беспомощный, как и любая тварь.
А я сквозил — незримый и мгновенный —
и видел все: как дева на углу
в который раз ждала свою измену;
как бил родитель дитяtko в скулу;
как под трамваем трепетали ноги,
как наливались кровью этажи,
как дьяволята уезжали в боги,
закладывая лихо виражи!

1963

Земля покрылась колокольнями,
 звенящим камнем поросла.
 Над всеми счастьями, над болями
 вздымали крик колокола!
 Ни зябких зданий общежития,
 ни мачт, ни столбиков, ни труб. . .
 Стоит одно звонопролитие
 от языков и медных губ!
 Земля, щетинистая воплями,
 в сплошной завинчивалась крик.
 Там, в мироздании, как во поле,
 она гуляет вечный миг. . .
 Пять миллиардов колоколенок,
 и каждый звон неповторим!
 И ни владык, ни обездоленных —
 и лишь внутри себя царим.
 Земля, нагруженная музыкой,
 плыла, лавируя меж звезд. . .
 И каждый голос был неузнанным.
 И всяк в себе свой гений вез.

1963

Приснилось: на склоне дождливого дня
 какие-то люди казнили меня.
 Скрипела расшатанным деревом в бору
 какая-то дверь на осеннем ветру.
 И красный кирпич безоконной стены
 отсырел с наветренной стороны.

И долго, как шкаф или книжный стеллаж,
 меня устанавливал суетный страж.

Толкал, поворачивал, грубо вертел,
дышал на меня чесноком и потел.
А в скучной шеренге жокен свинца
копошились в винтовочках без конца.
Но залп не хлестнул. Из винтовочных ртов
расцвел для начала букетик цветов:
десяток настурций по краткой длине
с горячих стволов потянулись ко мне.
И лица стрелявших, как лампу стекло,
дымом матовым обволокло.

А там, над дождем, над воздушной дугой,
над осенью мира, над смертной тоской,
как знаки бессмертья — богов голоса, —
восходили твои глаза!
И я еще долго, пока не затих,
целовал расстоянье до них.

1974

* * *

Это были не райские кущи, ей-ей:
за больничной оградой десятков растений. . .
Я увидел ее в перехлесте ветвей,
и упала душа на колени.

В этой горсточке женского тела, в цветке
мне навстречу такие глаза горевали! . .
И такая большая усталость в руке
ощущалась, когда мне ее подавали. . .

Здравствуй, солнышко, встретились мы наконец:
гореванье твое и мое гореванье
будем вместе сгонять с опаленных сердец,
будем вместе! Союз — упованье.

Это только казалось, что страшно упасть,
а — упал, и опять снизошла к тебе милость.
Я целую тот дворик в кирпичную пасть,
тот мирок заповедный,
где ты мне явилась.

1973

* * *

Большое облако по небу
несется — малому вослед!
... Люблю тебя легко и слепо,
а ты меня — неужто нет?
А ты опять, как дивный иней,
души касаешься, ярка.
И день и ночь в пустынной сини
бегут куда-то облака.
Но не догнать им, не настигнуть
друг друга в жизни никогда.
Восторг потухнет, радость стихнет,
луна блеснет сквозь провода.
И над морозною долиной,
над светлым миром, как тоска,
так и не слившись воедино,
растаят эти облака...

1975

* * *

Ледяная струйка в щель окна
проникает, шевеля бумагу.
Я пишу письмо: «Прости, жена,
не меня прости — мою отвагу. . .»

За окном — извечный сосен шум.
Дико в сердце, как при Чингисхане.
«. . Не ревнуй. Я с ней делил свой ум,
как вино холодное в стакане».

В батареях топчется вода,
приплелась по трубам издалека.
Я пишу: «Любовь моя чиста,
хоть не безупречна. . . подоплека».

Замерзает местность за окном.
Тихо на душе, как при Гомере.
«Веришь мне? Хотя бы в том, одном?
Нет? Но хоть простишь, по крайней мере?»

1983

Светлане

Сегодня я пел на скале в одиночестве полном,
но слушало море меня, и утес, и мерцание свыше. . .
А как же иначе?
Мне было бы дьявольски больно,
когда б я не верил,
что голос мой будет услышан!

Похлопывал ветер меня по спине обветшалою,
но не было больно — ведь были надежды безмерны.
А как же иначе?
Мне было бы грустно, пожалуй,
когда б я не верил,
что души людские бессмертны!

Нашарили руки цветок ветровой, придорожный,
и сразу представил тебя и в руке твоей лютню.
А как же иначе?
Мне было бы жить невозможно,
когда б я не верил,
что ты меня все еще любишь. . .

1980

* * *

Ю. Селивёрстову

Достучаться до звезд.
Вот и все, что мне надо покуда.
Разойдитесь, вечерние тучи,
не застите чуда.
Откатись за леса,
за ночные увалы, уралы,
мелкий дождик стенной, обложной.
Появитесь, прогалы.
Заливает глаза,
как течение времени, влага.
Не покиньте меня,
одиночества труд и отвага!
Я уже пересек
ту золотую полоску вхождения в радость.
И отныне подачи судьбы
никогда не приму за награды.
Слышу зреющий стук —
миллиарды сердец барабанят.
Достучаться, добиться!
А тучи сшибаются лбами. . .
Достучаться до звезд!
До сигнала оттуда. До связи.
Не в дожде, не в земле раствориться,
а в вечность скользнуть!
Восвояси.

1974

ОТРАЖЕНИЯ

И ты прошла. . .
Все меньше, не видать.
Последняя в душе иссякла благодать.
Сквозь память лет,
как бы сквозь шум дождя,
прошла любовь,
свет жизни уводя,
все изымая из пустых телес —
мечту и страх,
и к слову интерес.
Но что тогда
в пустопорожней тьме
фосфоресцирует — догадкой на уме?
Что веет в грудь,
как будто дух жилой?
Неужто отблеск радости былой?
. . . Так отраженный, ложный свет луны
волнует нас
и завлекает в сны,
где мы живем иллюзией тепла,
где вместо стен — кривые зеркала.

1984

* * *

Виктору Прудникову

Есть голос неясный,
как дым голубой. . .
Он тихо и властно
зовет за собой
в нездешние дали,
в нескучный уют. . .
Там нету печали,
там камни поют!
Не в хитрых приборах,
не с мудрых страниц, —
звучит он в просторах
и в свете зарниц.
Он сходит к нам свыше,
как дождь или сон. . .
И кто его слышит,
тот будет спасен!

1981

МОЛЧАНИЕМ НОЧНЫМ

А. Ф. Вишневской

Молчанием ночным земля поглощена.
Позлащены слова моей беседы с небом
молчанием ночным. . . И достигают дна
сознания
слова, ложась бесшумным снегом.
Беспомощно мудра притихшая земля.
Что это было? Жизнь?
Гиль — наважденье все же?
Не кустик, на ветру стареющий, скуля,
но что тогда? С какою тайной схоже?
. . . Как выдохлись слова. Пусты флаконы фраз.
Но сердце чует в снах не запахи сквозные —
бессмертие! Оно, как смертный час,
воздвигнет в нас пространства неземные. . .

1980

* * *

В скрежетании туч,
в сумасшествии птиц,
в свисте крыльев, с которых сошла позолота,
в монастырском молчании белых больниц —
слышен голос отлета. . .

В напряженье листвы,
в наклоненье вершин,
в привставанье на цыпочки мха из болота,
в размысленье, которое ты завершил, —
слышен гомон отлета.

В наготе проводов,
в раздражении луж,
в устремлении книг из тенет переплета,
в хрустале наплывающих с севера стуж —
слышен грохот отлета!

1980

* * *

В серый вечер дождевой
тихо льются птичьи плачи
над мою голову. . .
В серый вечер дождевой
я свидание назначу
с елкой, речкой и травой. . .
В серый вечер дождевой
лось встревоженный проскачет,
лось — с крылатой головой!
В серый вечер дождевой
у костра якут маячит
и живой, и неживой. . .
От меня он душу прячет
в серый вечер дождевой.

1964

* * *

Как хорошо, что нынче непогода.
Прятен мне деревьев смертный треск,
ботиночное хлюпанье народа,
ушедшего под зонтика навес.

Так нужно мне — невидящее небо:
как глаз больной, завязано оно
сплошной тучей. . . И великолепно
рыдает кто-то в ящике кино

за стенкой у соседей светлицых. . .
Сегодня надо плакать и грустить!
. . . А в форточку чирикает мне птица,
и я ей не могу того простить!

Пошто звенишь?! Зачем оптимистично?
Вся вымокшая — капелька воды.
Но дерево ломается, как спичка,
и я смеюсь с квартирной высоты!

Как хорошо, что дерево сломалось. . .
А воробей, забывши про усталость,
пронзая тьму, долдонит про свое,
вживляя песней радость в Бытне!

1964—1984

* * *

Снег небесный, снег нерукотворный,
я в твоей снежинке каждой беспризорной;
в каждой иллюзорной жизни... в искре каждой
звездочки узорной, вспыхнувшей однажды!

Долгий танец в воздухе вечернем.
Где паду-растаю, завершив верченье?
Вижу, в небе звезды тают, как снежинки.
Или то — морозной вечности ужимки?

Друг мой, сердце, радуйся почаще!
Мы с тобой не в прошлом и не в настоящем;
не в воде упругой, не в извивах суши —
мы над млечной вьюгой, где танцуют души!

1975

* * *

Перед сном, перед тем, как обнимет покой,
навестить существо, что зовется — рекой.
Не забыть у излучины, там, где луга,
как флаконы, обнюхать ночные стога.
А потом, наблюдая густеющий сад,
поразмислить о времени, глянув назад.
Ухватясь за его равнодушную нить,
постараться вокруг никого не винить.
Ни вот эту холодную каплю дождя,
что упала за ворот, мурашки будя;
ни вот тот голосок, воспаривший, как дух,
что не твой предназначен умасливать слух;
ни вот ту, озаренную звездами, пасть. . .
Никого не винить, не бранить и не клясть.
Постоять у реки. Ощутить ее ток.
И неважно теперь, кто ты — бард или стог?
. . .Постоять у реки, на своем рубеже,
и уйти
с безупречной улыбкой в душе!

1974

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Ф. А. Абрамову

Не крыши, крытые соломой,
не труд с рассвета до зари,
не вкус слезы ее соленой —
а свет, идущий изнутри!

Не путы права крепостного,
не худоба пустых полей,
не гомон пения хмельного —
а совесть нации моей!

Не только с поля-огорода
делилась сущою едой,
но кровь огромного народа
своей питала чистотой!

И если что-то есть и дышит
в моей строке, сверля покой,
оно идет на сердце — свыше!
И — от избушек над рекой. . .

1978

* * *

В. Распутину

Шумят перепончатых крыльев размахи,
покинули сердце восторги и страхи,
скрипит в воздушных задунах педаль...
Нас время уносит в астральную даль.

Работает мозг вхолостую натужно,
и я понимаю: опомниться нужно!
Но крошит тревогу зубчатая сталь...
Нас время уносит в кромешную даль.

И гаснут цветы в почерневших долинах,
и руки объятий, как будто из глины,
ломаются... В песне сочится печаль.
Нас время уносит в смертельную даль.

Как вдруг озарила рассветная вспышка!
И прочное что-то проникло в умишко.
Притихшие враз у обрыва стоим...
И небо нас метит сияньем своим!

1979

РАССВЕТНЫЙ ЗВОН

Виктору Потанину

Еще не весь растаял сон,
еще глаза питались тьмою,
как вдруг донесся хрупкий звон,
рожденный Родиной самою!

Должно быть, это за Невой,
за тем пустым и вялым сквером,
неразличимый, но живой,
плыл отголосок нашей веры. . .

Как бы из треснувшей груди,
когда в полях притихла драка,
Русь канувшая, в забыты,
явила долгий стон из мрака!

1983

* * *

Найти себя не в годы странствий,
а лишь теперь — на склоне лет,
когда ветхо твое убранство
и никаких иллюзий нет.

Найти себя, когда сломалась
пружина тела, сникла прить. . .
И, невзирая на усталость,
с людьми дышать и говорить.

Найти себя, когда столь утлым
все мирозданье предстает.
Когда не звезды гаснут утром,
а просто камень, газ да лед.

И все ж найти себя в сей бездне!
И сохранить в груди восторг
и к этой женщине, и к песне,
и к звону времени. . .

И вздор,
и сущий вздор, что нет причала
твоей забредшей в мир душе. . .
Найти себя и жить сначала
вон там, на новом этаже!

1973

* * *

Проснулся и слышу в редеющей мгле:
«Зачем ты, зачем ты — на этой земле?
Зачем, для чего — отвечай на вопрос —
на этой земле ты родился и рос?»
... Хотелось швырнуть в предрассветную рань
колючее слово — дремучую брань!
Спросите, мол, наших папаш и мамаш —
зачем-почему? Это подвиг — не наш.
Хотелось поведать в рассветную муть
о разных болячках, что втиснулись в грудь,
о горьких обидах и тленных вещах. . .
Но грянуло утро! И ропот — зачах.
Ударило солнце по струнам своим!
И высох туман. И рассеялся дым.
И вспыхнули в выпуклом поле цветы,
а в вогнутом озере — искры воды!
... Зачем я родился? Отвечу, изволь.
Чтоб радовать Землю. Немалая роль.
Чтоб каждое утро, пока я иду,
столикую славить ее красоту,
стозвонному горлу внимать! И чиста
любовь моя к ней — навсегда, навсегда.

1973

* * *

С. В.

Как поздно я познал язык добра,
а ведь язык тот не был иностранным. . .
И жил я не в пещере в шкуре драной,
а в граде — возле медного Петра.

Но лишь теперь, когда на сердце соль,
а на душе — досадные осадки,
я полюбил и цель свою, и роль,
и этот тополь собственной посадки.

Гляжу на мир из глаз — не из окна,
и нива дум колышется и зреет. . .
И верю я, что время не стареет,
что для кого-то мир мой — новизна!

1972

* * *

Усни. Твой сон — игра на скрипке.
А коль смычка не удержать,
играй на собственной улыбке,
учись ритмически дышать.

Гундось в платок гобоем носа,
звени литаврами ушей!
. . . Владеет музыка гипнозом.
Она струится с этажей

и растекается вдоль улиц. . .
И храп, и сап, и сонный бред
так сладкозвучны, что уснули
дома, асфальт и парапет.

А ты играй мне на сердечке,
на клапана дави, дави!
Как музыкальна бесконечность
небес молчанья и — любви.

. . . Что он — без музыки и веры,
и без мечты, как без руля, —
прозрачный шарик атмосферы,
в котором плавает Земля?

1974

ПЕРЕД ПОЛЕТОМ

Легчайшая, промчавшаяся пухом,
на склоне неба выдохлась звезда.
Душа ждала. . . Ворочал космос брюхом.
Над головой трещали провода.

Опомнившись, отброшенная телом,
душа ждала. . . Дышал аэродром.
И отлетали в свете пожелтелом
тела людей, спокойные, как бром.

Стотонная, как хрупкая надежда,
тень лайнера покинула бетон.
Душа ждала. . . Хлестала щеки нежность.
В стоячих буквах дергался неон.

Бескрылые чирикали созданья
меж водорослей гнутых фонарей.
Душа ждала... . И опускалась стая
очередных стальных нетопырей.

1973

ВЫСОТА

Исследуя прибор любовно, как мечту,
сказал второй пилот: «Теряем высоту. . .»
Без паники сказал. Как в гости пригласил.
А первый о прибор — окурочок погасил.
Сквозь старенький мотив, что распевал мотор,
я слушал этот их веселый разговор.
Под нами, точно лед, воздушная струя.
И там, под этим льдом, спит родина моя.
Была под нами ночь, как плот. И на плоту,
беспомощные, мы — теряли высоту. . .
Наверно, я устал: который год подряд
улыбки расточал, хотя и не был рад.
Когда просила жизнь всю кровь, а не кивок,
вертлявою рукой маскировал зевок.
Коль был необходим — рывок с постели в ночь,
я сердце утешал: всего не превозмочь,
ты слабенький сосуд, ты редкостный фарфор. . .
«Теряешь высоту!» — показывал прибор.
. . . Страна моя, любовь, услышь меня в ночи.
Хотя бы над собой подняться научи.
Хотя бы над судьбой, а там уж я найду
иное удалство, иную высоту!
. . . И вот второй пилот повеселел, расцвел.
(А первый хоть бы что! — и бровью не повел.)
Лишь солнце над землей да стрелка на шкале —
все выше, как душа, притихшая во мгле,
все выше, как любовь, познавшая обвал. . .
И долгим был подъем. Но кто-то выше звал!

1975

ТЕБЕ

Бегу по земле, притороченный к ней.
Измученный, к ночи влетаю в квартиру!
И вижу Тебя. . . И в потемках светлей.
Что было бы с хрупкой планетой моей,
когда б не явились глаза твои — миру?

Стою на костре, в окруженьи врагов,
смотрю сквозь огонь на танцующий лютик.
И вижу — Тебя! В ореоле веков.
Что было бы с ширью полей и лугов,
когда б не явились глаза твои — людям?

И ныне духовною жаждой томим,
читаю премудрых, которых уж нету,
но вижу — Тебя! Сквозь познания дым.
Что было бы с сердцем и духом моим,
когда б не явились глаза твои — свету?

Ласкаю дитя, отрешась от страстей,
и птицы поют, как на первом рассвете!
И рай различим в щебетанье детей. . .
Что было бы в песнях и клятвах людей,
когда б не явились глаза твои — детям?

И солнце восходит на помощь Тебе!
И падают тучи вершинам на плечи.
И я Тебя вижу на млечной тропе. . .
Но что б я успел в суматошной судьбе,
когда б не омыла глаза мои — Вечность?

1978

Рябило в глазах от мелькавшего хлама:
то вспыхнет вершина, то явится яма,
то венчик победы, то холмик утраты.
Людовики, Карлы, а вслед им — Мараты.
Все было, все было. . . И вдруг осенило:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

Знобило, коверкало, гнуло, ломало.
По праздникам мысль о тщете донимала.
Писались прощальные письма и песни.
Два слова под черепом ныли: «А если. . .»
Кукожилась воля. . . И вдруг — отпустило:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

Любовь оставляла. И в ночь воровато
сквозь щели событий — тащилась куда-то.
Но вера под звезды карабкалась все же,
миры недоклеванным сердцем тревожа!
И жизнь возвращалась, и свечи гасила.
Есть высшая доля,
есть высшая сила!

Вот так и толкуем о жизни, о гробе.
Сдаем свое тело, как плащ в гардеробе.
Но все ж и тогда — перед дальней дорогой —
душе, по краям запотевшей тревогой,
является птичка, что в будни гласила:
есть высшая доля,
есть высшая сила!

1976

ВИДЕТЬ НЕБО

Живя в коробочке из камня,
что видишь ты помимо стен?
Окно? В окне — жилые скалы
да складки уличных систем.

...С утра взвиваешься свирепо,
ныряешь в лифт, затем — в метро!
Живя, обходишься без неба,
шурша мыслишкой: все старо...

Вот и вчера, под ноги глядя,
я мчался, городом объят,
и вдруг какой-то зоркий дядя
сказал: «Журавлики летят!..»

Плыл над Невой закат пунцовый,
весна ворочалась вдали,
а там, над площадью Дворцовой,
и впрямь летели журавли!

Немного их... Обрывок стаи,
но все равно, держась углом,
натужно (видно, что устали)
они стремились напролом!

...Но вот — прошли. Уже стемнело,
а я все вглядывался в высь,
а я все ждал остолбенело,
покуда звезды не зажглись!

Покуда кто-то из прохожих
не зацепил меня плечом. . .
И все! И радоваться можно.
И даже — думать кой о чем.

1975

* * *

Календарь из цветов.
Поливается слово «суббота»,
подстригается «август»,
удобряется третье число. . .
Постою, посмотрю; по душе мне такая работа:
дни выращивать людям!
Садовник, тебе повезло.
А садовник в горшках на тележке увозит бывшее:
цифру «два», что пленяла
наши взоры вчера. . .
Что прошло, то прошло,
не вернуться тому из-под слоя,
и «четвертую» цифру готовить к восходу пора.
Календарь из цветов. . .
У садовника много работы.
На исходе столетье — пребольшая тележка
нужна,
чтобы вывезти прочь
все, что вынесли в мире народы. . .
Календарь из улыбок и слез. . .
И надежд — семена.

1980

* * *

Отцу

Под звездою неподвижною
там, на жизненной тропе,
возлюби не только ближнего,
но и чуждого тебе.

Пусть любовь повсюду скажется:
на земле и на воде
поспеси на помощь каждому,
кто находится в беде.

Все, что ты отдал воистину
от щедрот — не от ума,
в час верховный, в час единственный
возвратит Любовь сама.

Эти мысли голубиные
потому тревожат нас,
что когда-то все невинными
были мы в рассветный час,

в час рождения... И верится
на закате неспроста,
что не зло явилось первенцем
на земле, а — доброта!

1979

ВО ХРАМЕ БЫТИЯ

Во храме Бытия,
где голубеют своды,
не замер камнем я
и не истек, как воды.

Свечою не оплыл
и не опал листвою...
Не гением прослыл,
но — лишь самим собою.

Срывал и я плоды,
тщетою мозг мороча,
но были мне черты
небес — милее прочих.

Не избегал утех,
боготворя земное,
но лица женщин всех
сошлись в одно — родное...

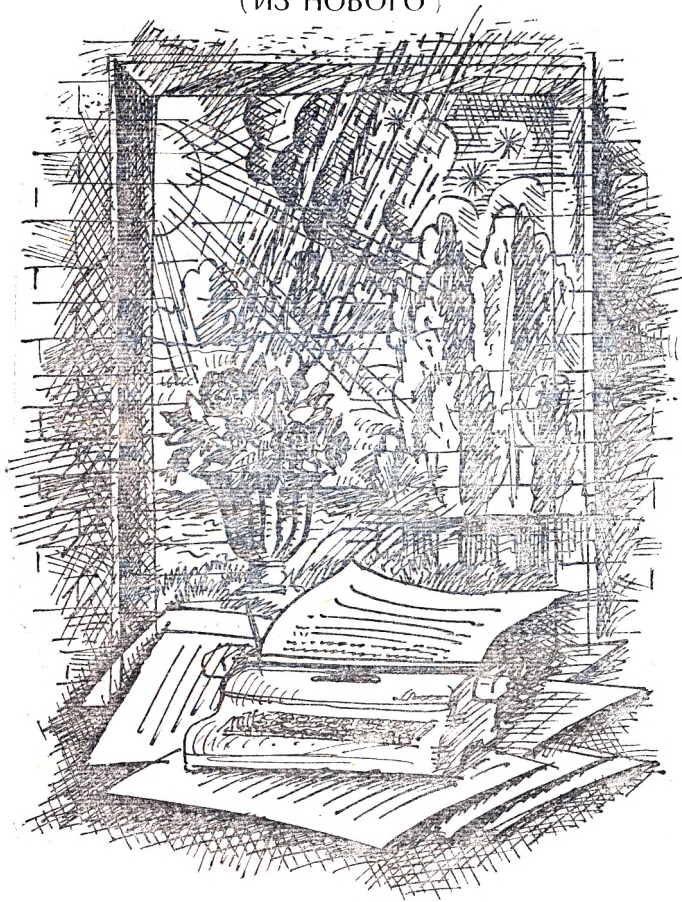
Немало стран узрел,
кочуя и бытуя,
но лишь одну воспел —
Россию! Русь святую.

...Во храме Бытия,
где фимиам и сера,
ликует плоть моя,
но торжествует вера!

1982

НАРИСОВАННАЯ ДВЕРЬ

(ИЗ НОВОГО)

СКРИПЕЛО...

Все было, как надо: вверху голубело,
внизу, из земли, пробивалась трава, —
тепело на сердце... Но что-то скрипело,
канючило, ныло, заметно едва.

Сучок о сучок или — слово о слово?
А может, земная не смазана ось?
А может быть, птица в чашобе еловой
неправильно пела — уродливо, вкось?

И пусть бы скрипело... Не пули визжанье,
не мины ворчанье, не бомбовый вой.
Но были в том скрипе, в его содержанье
приметы какой-то тоски мировой.

И я не могу улыбаться беспечно,
и петь не могу, как когда-то (без слез).
И что-то скрипит, мимолетное в вечном,
как будто на темной реке перевоз...

1985

* * *

Что ж, пожито весьма!
И не сулят бессмертья
ни проблески ума,
ни всплески милосердя.

И если оглянусь
разок перед уходом,
то — на святую Русь,
на храм за поворотом,

на избы в три окна,
припудренные мраком,
на пыль от табуна,
что пахнет аммиаком,

на русло от реки,
на шрам — от ошущенья,
на взмах твоей руки,
дарующий прощенье.

1985

* * *

Самое грустное что на земле?
Не тишина в лазарете,
не поминальная скорбь на челе —
грустные дети. . .

Нет, не дитя, издающее крик,
нас беспокоит,
горше — притихшее, будто старик,
чадо людское.

Так, опаляя зеленый восторг
скорбью нездешней,
вдруг обнаружится в мае листок,
чуть пожелтевший.

Хочется к небу взывать! Совершить
нечто, подобное чуду!
И почему-то не хочется жить
в эту минуту.

1985

* * *

*Ведь и земле, быть может, больно
пространства неба рассекать.*

К. К. Случевский

Клад, кладбище, умильно класть поклоны
укромным денежкам, окученным костям —
земле,
к сочувствиям не склонной,
тщете,
но пуще — лжи, любым ее мастям!
Мне больно жить...
в сочувствии нещадном
всему, что дышит, мыслит
или мнит,
что мыслит, —
здесь, в благоуханье смрадном
страстей, — мне больно жить!
Манит
меня любовь
всемерная, как крыша
(не от дождей — активных, кислых, злых —
от заблуждений, коих сердцем слышу
немолчный шум
в днях сущих и былых).
...Но я останусь здесь — под солнцем пепелящим,
под снегом, насылающим покой.
Мне больно жить... Но и Земле не слаще,
моей Земле,
ведь я не знал другой.

1985

* * *

Вновь пред зарею златокудрой
склоняюсь я: благослови!
Что может быть светлее утра?
Лишь свет ума. И свет любви.

С годами меркнет ткань искусства,
отвергнут тот, кто был любим,
ветшает разум, гаснут чувства,
но свет — от них! — ненстребим.

.. Живу близ моря — ласки возле,
рай представляю без труда.
Метафоричен южный воздух,
сюжетна древняя вода.

И мне, как вспышка искры божьей,
свет жизни — вечности дороже!

1985

* * *

В час прощальный, осенний, когда голосят журавли,
мне приснилось, что я навсегда отлетел от земли.
Потеряв притяженье, утратив довлеющий вес,
без ракетного рева сорвался в пучину небес...

Без тепла и без воздуха обходясь,
как бескровный болид,
я летел, обнаружив, что сердце мое не болит!
Сколько лет барахлило, цепляясь к любым пустякам,
наконец отпустило на небо — к иным берегам.

...Побывав в миллиардах космических передряг,
обратил я внимание на свой неразжатый кулак.
Как с тобой, моя радость, расстались, с той самой поры
побелевшие пальцы земные хранили дары.

И когда я кулак возле встречного солнца разжал,
на ладони моей синеглазый цветок задрожал!
Кто-то скажет: «И все?
Поискусней бывает вранье».
А по-моему, славно:
проснуться — и вспомнить ее!

1985

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Что это было?
Не ветер из окон —
легкость и свежесть овеяли мозг!
Каждое слово, как юности локон,
каждая мышца послушна, как воск.
Может, откуда-то свыше флюиды?
Миром пахнуло с эдемских полей?
Что это было? Крушение обиды?
Жданных из детства приход кораблей?
Руки ласкает старинная книга,
душу смягчит восхищающий чай. . .
Долго я жаждал подобного мига,
чаял его,
а обрел — невзначай.
Что это было?
Восторг покаянный?
Вряд ли. . .
И вот установлено мной:
кто-то, неведомый,
на фортепьянах
что-то такое играл за стеной. . .
Музыка!
То есть — слияние звуков
в некую тайну.
И вновь я спросил:
что это было?
И в ужасе руку
к недоуменному лбу подносил.

* * *

Он вышел из толпы, он встал передо мной.
Глаза его, как ночь, таили прах событий,
свершившихся вчера (минувшею весной),
в те юные года, когда хватало прыти
не только на разбег, но также — на любовь!
И вдруг с его лица все присные пороки
низринулись в меня, в мою внедряясь кровь,
припудрили чело, как пыль чужой дороги.
И долго, и с трудом в печали, как в реке,
я душу отмывал от чуждых наслоений
и весело ее сушил на ветерке
ласкающих мой мозг загадочных явлений.

1985

* * *

Во утешение обманутой души
садись за стол
и музыку пиши!
Прозрачную, как смех,
как детский сон...
Есть в этом действе радость и резон.
Необязательны рояль и нотный знак:
сих закорючек не осилю я никак;
возможны способы иные (память, речь),
чтоб из сумятицы гармонию извлечь.
Во искупление безделья — не грехов —
проветрим душу, чтоб белее облаков!
Над очищением ее от суеты
давай потрудимся
с утра до темноты.
Необязательны высокие слова:
в предзимнем воздухе колеблется листва, —
ей посочувствуем
безмолвно,
без прикрас
во утешение
всего, что бренно в нас.

1984

* * §

Есть лица юных — необычны:
их кожа нежная чиста,
но чем-то мерклым, анемичным
уж наградила их среда.

Как будто с древних тайн облезлых,
как с облупившихся зеркал,
на юных глянул холод бездны!
И — прикипел. . . их сутью стал.

1985

* * *

В портовом городе на юге
в соленых брызгах бирюзы
я простирал на север руки,
я тьмы желал, я жаждал выюги,
сосуллек звонких на усы!

Сорвав никчемные с запястья,
я в море выбросил часы!
Что — время, если нету счастья?
Век скуки за секунду страсти —
не просто фраза для красоты!

В портовом городе мальчишки,
к добыче обратив носы,
явив усердия излишки,
ныряли с дамбы, точно с вышки,
и отрясались аки псы!

Вращало время шестеренки...
И, словно облако грозы,
жизнь проходила ярко, звонко!
И вновь — щенком, ростком, ребенком —
я постигал ее азы.

1984

ВОДА МОРСКАЯ

Дух странствий...
Водорослей прелесть.
Потеки ржавчины на крупе корабля.
... Какая-то невыцветшая прелесть
в понятые пряхом: море и земля!
Нерасторжимость тверди и пучины.
Как я люблю ступить из-за холма,
как будто в круг веселья — из кручины, —
к воде морской! (В безумство — из ума.)
Пусть не моряк (судьба обсохла, каюсь),
не бороздил... Но соль — у всех в крови.
И наша плоть — не есть ли хлябь морская?
(Отлив мороки и прилив любви...)
Я, сын стихий — земли, небес и моря,
не в чьем-нибудь бушующем мозгу —
подслушал вечность в белопенном хоре
здесь, у воды, на бренном берегу!

1984

ПОСЛЕ БУРИ

Улеглось...
На флагштоках обвисли
флаги встречных держав до утра.
Ощущаю рождение мысли,
как явление миру — Добра.
Уцелел...
Потрепало изрядно.
Ликованьем, исчадием зла
бескорыстная прочь безоглядно,
словно молодость, буря прошла!
На бульваре осыпались розы,
цвет прожектор дождливую мгу.
Возле мысли, как возле занозы,
нарывает в осеннем мозгу.
Белозубые волны подгрызли
маяку волосатую грудь.
Да, похоже, от огненной мысли
память сердца обуглилась чуть...

1984

* * *

Всю ночь дождило. . . И на рейде,
как в паутине, как в плену,
кораблик рыскающий бредил,
терзая криком тишину.

А я, закутанный в былое,
как в пелену, как в балахон,
облитый комнатною мглою,
тащился кашлять на балкон.

Привет, зимующее море!
Как в декабре разграблен юг!
Мыщ виноградных на заборе
сухие плети. . . Скорбь вокруг.

И лишь в просветах дня — над мысом —
в гримасе каменной горы
я различал лицо, лик мысли,
что мной владела до поры.

1984

ДРЕВО СНА

Таинственное древо под окном,
дуплистое, лишенное покрова:
ни листьев, ни коры, ни... времени на нем.
Что происходит с ним?
Погибло? Нездорово?

Нет, как ни странно, дерево живет.
Шныряют птицы по его извивам:
клесты и поползни,
и выпятил живот
дух желтоглазый — филин хохотливый.

По вантам паутины пауки
бегут рысцой, свисают, никнут, дремлют.
И мухи топчутся,
и смерти вопреки
личинки облик бабочек приемлют!

Взмывают белки. Гусеничный ход
протягивает шелковый глазастик.
И царь зверей (отныне это — кот)
припал к стволу, но — без особой страсти:
он точит когти (экий атавизм).
И шарик надувной, цепляясь нитью,
запутался в ветвях.
И вверх, и вниз
стекают муравьи как по нити.

Таинственное древо под окном.

Живет!

Пусть не своей, пусть отраженной,
вторичной, бескорыстной жизнью-сном,
не смысла — пробуждения лишенной. . .

1984

* * *

И я не тот, и вы не та.
Жить легче во сто крат.
Как будто сердце вынуто
и вставлен — аппарат.

Необитаем пляж, но юг
и в стужу — благодать.
Мне что-то очень важное
вам надобно сказать.

На этом скользком гравии
произнести, скорбя,
что жили мы неправильно,
неумно — не любя.

Всё враки были, тайны всё —
сплав труса и стыда...
Давайте хоть расстанемся
отважно:
навсегда.

1984

СЛОВО

Как будто муха в янтаре,
нетленно слово,
исторгнутое на заре
пути людского.

Скульптура мысли. . . На ветрах
событий встречных
не обратилось слово в прах,
шагнуло в вечность.

Германцев, русичей, монгол,
всех душ скопление
хранит не пуля, но глагол —
от истребления.

Иной народ возник и. . . сник,
как непогода,
но бродит по миру язык
того народа.

Стучится посохом сухим
в страну-обитель,
но притворяется глухим
дней новых житель.

1985

* * *

Отбросим лишнее — опишем этот миг:
на голой ветке
из отверстой почки
раздался смех!
Зеленый вспыхнул крик,
Таившийся в защитной оболочке!

Понаблюдаем за отвагою весны:
малиновка — восторженная грудка —
снесла яйцо
и сохранит в нем сны,
пока птенец не вздрогнет... от рассудка,
точнее молвить — от предчувствия судьбы...
Еще на грядке, словно на экране, —
ни тени от борьбы и ворожбы...
А через час она — как поле брани!

Пронзает хвощ ладошку огурца,
суренка гнет морковную антенку!
Во имя обретения лица —
хоть на рожон!
Хмельным плющом — на стенку!

...Все обновляется, все в зареве страстей.
А человек?
За наименьшем листьев,
помимо шевелюры и ногтей,
что сбрасывать ему? Неужто мысли?
Мысли!

Они теснят друг друга, как трава,
как звезды в небе или рыба в море.
И осыпаются покорные слова,
и зеленеют, явленные в споре!

1985

* * *

Сквозь сон рассудка поутру,
сквозь одичалый сердца грохот
я слышу: птица на ветру
врачует музыкой эпоху!

Она внушает мне (и — нам),
всему мятущемуся люду,
что счастье есть не где-то там,
но — в нас самих! А значит — всюду.

... Тогда я в зеркало смотрю,
седины вижу и морщины.
«И в этом — счастье?! — говорю. —
В руинах скучного мужчины?»

О разум вялый и слепой!
Сквозь плоть свою, как бы сквозь муки,
не заслоненное собой,
увидеть небо во фрамуге!

И ветку клена, и певца
(свирель на крылышках!), и лето...
И вздох прозревшего лица,
ввысь обращенного — к рассвету!

1985

* * *

Власть суеты свелась к нулю,
дух — нежность возымел.
Сказать владычице «люблю»
я так и не посмел.

То был гордынею томим,
то мнил, что ты — не та...
Все торопился стать самим
собой... а на черта?!

Теперь, когда гордыни пыл
пал с сердца, как с коня, —
я не скажу, что я любил,
скажу: прости меня.

Эпохе, истине, рублю
куривший фимиам,
я не любил... Теперь люблю.
По — памяти. И — снам.

1985

ПО ПОВОДУ ДОЖДЯ

По поводу тряпья, подписки на Золя,
под шорох «Жигулей» — о магии рубля,
по части на зубах хрустящего груздя...
А мы, в который раз, по поводу дождя.

Еще — насчет души, к страданиям не глухой!
(Налита до краев кадушка под стрехой.)
По поводу страны, где истово живу.
(Колочкою щекой дождь трется о листву.)

Касательно мечты — на всех, не «на троих»!
(На лужах пузыри, хоть дождь завял, притих.)
Дебаты на предмет: все прах, как ни живи.
А мы, в который раз, по поводу любви,

по поводу мечты (картины — не гвоздя!)
и в сторону зимы ушедшего дождя...

1984

* * *

Спросил себя, проснувшись утром вешним:
ты стал другим
или остался прежним?
Хотелось мощно выдохнуть из торса:
я — неизменен!
Хоть и пообтерся. . .
Все, что любил (дитя, рябина, вьюга),
люблю как прежде, вот какая штука. . .
Люблю объемно, всей «системой» сразу!
И тут я вышел к речке на террасу.
Мой дивный замок (стены из бумаги)
уж пропитали утренние влаги:
роса, туман, дыханье речки стылой. . .
Люблю ли я? Люблю!
Но только с новой силой!
. . . Из почки (из яйца?), пушистый, как
цыпленок,
на ветке лист шатается спросонок.
И прямо в сердце — из-под ног, из мрака —
бьет соловей — фонтаном! — из оврага. . .
Тускнеет зреньё — солнце в небе ярче.
Люблю, как прежде, а страдаю жарче!
Хладеет кровь — пылости понятней.
Живу — как прежде, верю — безоглядней.
И во друзьях, чьи взоры вдохновенны,
благословляю те же перемены.

1985

* * *

Лес в застиранной пижаме.
Лето, где ты? Слякоть, слизь...
Пожилые горожане
на природу подались.
Что стряслось со стариками?
Что подбило их в бега
на свиданье с облаками,
на житье у камелька?
Значит, есть такое средство?
...Нет, не ягоды-грибы:
ветерок далекий детства
шевельнул струну судьбы.
И, глядишь, мелькают лица
там, где шастал ветерок.
Из трубы дымок струится.
Оклемался хуторок!
Заслоняя от соблазнов,
три недели дождик льет.
Телевизор лупоглазый
нить связующую вьет.
Тает время... Ноша легче.
Смех и слезы — все в былом.
На родительском крылечке
шевельнула ночь крылом.

1984

ПУСТОЙ ФЛАКОН

На антресолях, где покой,
где сон, где пыль веков,
я обнаружил тот пустой
флакон из-под духов.

Молчит порожнее стекло...
Но вот — из глубины —
пахнуло в душу мне светло
метелью той весны!

Я вспомнил молодость... как миф.
И все цветы земли.
И тот кудрявый жизни миг,
когда мы рядом шли.

Еще любовь, еще весна,
журавлик в вышине...
Еще лицо твое — война
не заслонила мне.

1984

САРАИ

Детям войны

Мой враг сидел в сарае под замком,
меж тех, кто плел вчера еще колючку,
раскинув над Европой снасть паучью,
кто, как ледник, владел материком. . .

Война ушла. Иссяк кровавый дождь.
Кровавый сник, но продлевался — слезный.
А в мире май шумел победоносный!
. . . Теперь войди в сарай и — подытожь.

И я вошел. Ища его глаза.
О, сколько глаз. . . Тому назад с неделю
они моими жилами владели.
А нынче — ждут. Утратив голоса.

Сарай трещал от трепета людей.
И рассекало солнце мрак по щелям.
И русский стражник в латаной шинели
меня спросил: «Который — всех лютей?»

А я молчал. Не ради мук Христа,
но ради мук, что пропитали воздух.
Я отвернулся в май победоносный!
Солдат сказал: «Святая простота».

А я молчал. «Мой враг уже не тот, —
казалось мне, — живет и в нем страданье».
А май шумел, вращая в мирозданье!
И воскрешал надежды. . . от щедрот.

1985

ИНТЕРВЬЮ

Джинсы, перстень, сигарета.
Микрофоном тыча в рот,
вопрошает: «Ваше кредо?» —
словно за душу берет.
Отступаю, труса вроде.
А газетчик, как боксер,
наседает: «Чем живете?»
Загонял. К стене припер.
Речь его с оттенком бреда.
Продолжает кнопку жать:
«Ваше кредо! Ваше кредо!»
Отвечаю:
«Утешать...» —
«Утешать?! Кого же? Хама?
Подлеца, что с миром лют?» —
«Нет, — шепчу, — хотя бы маму.
Ты ведь ей не пишешь, плут?» —
«Маму? .. — сразу, как от пыли,
посерел, сошел с лица. —
Мамы нет... Ее убили.
Заступилась за отца.
В переулке... на прогулке».
Вот и все. И тишина
почему-то стала гулкой,
словно рухнула стена.

1984

* * *

После ливня воздух пуст.
Небо, как плакат.
Сквозь омытый вербный куст
грезится закат.

В позлащенной полутьме,
горизонт поправ,
спит лошадка на холме
в завихренье трав.

Стоя спит. . . И головы
никнет силуэт.
Оседлать бы! Да увы:
разуменья нет.

Нет сноровки, нет узды,
корочки ржаной.
Нет в душе былой мечты,
прыти вороной!

Постою у кромки дня,
онемев умом. . .
Не спугнуть бы — не коня —
свет в себе самом.

1984

* * *

Булату Окуджаве

Что мне напомнил сей бесстрашный голосок?
В часах песочных — перевернутый песок.
Структура времени, как пыль могильных плит,
не из секунд, но из песчинок состоит.

Что разбудил во мне захлеб гитарных струн?
Догадку смутную, что был я дважды юн:
когда не прятал от войны соленых глаз
и в этом зале, то есть — именно сейчас.

Что подарил мне легкокрылый этот бард?
Не грусть расейскую и не французский фарт.
Он мне отсыпал на закрутку от щедрот
изящной истины, что за душу берет!

И наконец (пора тащить последний фант):
что посулил мне этот добрый музыкант?
Какие прелести, какие времена?
Он не ответил. . . Лишь заплакала струна.

1985

* * *

Дмитрию Толстобе

Играли в карты, грешили страстно,
забыли время. . .
Как вдруг — окно
от ветра настезь! И стало ясно:
сыграть «по крупной» — не суждено.
Летят снежинки из мрака ночи,
все заунывней беседы гул.
И все мы в липких снежинках сочных,
как будто дьявол на нас чихнул!
И, словно листья, взметнулись карты:
десятка навзничь,
туз — к потолку!
Кто ждал пощады, дождался кары
и приумножил свою тоску.
Играли в карты, теряли почву
и содрогались в пылу потерь,
как будто ждали благую почту,
когда скрипела от ветра дверь. . .

1985

НАРИСОВАННАЯ ДВЕРЬ

Б. Тайгину

Там, где у здания спина,
брандмауэр, — на нем
наметил краской сатана —
иль бог — дверной проем.
Кого хотели обмануть
сей странной из затей?
К мечте пускающихся в путь
доверчивых людей?
За дверью той был край потерь:
мир, приютивший нас.
В ту, нарисованную, дверь
вошел и я в свой час.
Там было весело порой
и зеленá трава,
а над травой — снежинок рой
и слов!
Слова, слова...
Там было солнечно от встреч
и лунно от утрат.
Там Цицерон готовил речь
и размышлял Сократ.
Там я пленялся красотой,
бежал ее затем...
Но был ли я за дверью той?
И если был — зачем?

1985

* * *

Из дождливого города,
из рассвета, рожденного тьмой,
потерявшего прошлое, —
отпустите меня домой...
Словно кем-то обобранный,
в толчее привокзальной стою
не без денег — без прошлого...
Вспоминаю сторонку свою.
Пусть там все перепахано,
пусть родительский вырублен сад, —
я узнаю по запаху... от земли,
я хочу — назад!
Мне ведь много не надо:
себя обрести (не покой),
песней стать
или холмиком
над родимой рекой...

1985

СТАРИННЫЕ ВАЛЬСЫ

Валентине Паркасовой

Тот сад затрапезный, те урны, как вазы,
те вросшие в землю скамьи
и в шелесте листьев — старинные вальсы,
как после дождя — соловьи!

Чуть ниже — кувшинки, прилипшие к бухте,
и ветер — непрошенный гость.
И Вяльцевой голос... И тучный Апухтин
молчит, опираясь на трость.

И сердцу любезны — речная остуда,
все шорохи жизни былой,
как будто и сам я — оттуда, оттуда,
из жизни, что стала золой...

Ах, медная музыка, бледные платья,
разлука вполстраха, шутя...
Но я отряхнусь от былой благодати,
как сад — от ночного дождя.

И вместе с листвою побитой, обритой,
попавшей под снег, как под кнут,
подхватят меня современные ритмы
и в пламя событий швырнут!

Там жизни улыбки и смерти гримасы,
ад (в семьях) и рай (в шалаше),
и как утешенье — старинные вальсы,
что страх укрощают в душе.

1985

ЦЫГАНСКИЕ НАПЕВЫ

Плач скрипки, голос девы,
надтреснутый к утру...
Цыганские напевы,
как чернь по серебру!

С годами не устали,
не выцвел их узор.
Их дерзостный кристаллик
мерцает до сих пор.

... Не только звук исторгнуть —
из слов сплести венки!
Червленые восторгом
движенья ловких ног!

Не токмо состоянья
и ювелирный хлам —
сердечные сиянья
бросали к тем ногам!

Средь властных и корыстных
народов и племен
есть нация артистов
без армий и знамен.

Подверженная пытке
терзанием страстей,
рожденная в кибитке,
есть нация детей!

Дорога. Табор. Лето.
Мониста перезвон. . .
Многосерийной ленты
цветной иллюзион.

1985

НА ЗАКАТЕ

Гейне советует рассматривать жизнь выдающихся людей, как рассматривают солнце: на восходе и на закате, когда его величина всего яснее...

А. Ф. Кони. «Ф. М. Достоевский»

На закате в ущелье Кузнечного переулка
Петербургское солнце являлось ему на мгновенье.
Громыхала телега от рынка — порожне и гулко, —
залетало в открытую фортку; как муха, сомнение:
все ли так?
И глаза, провожавшие солнце,
улыбались не солнцу, а — мысли: так надо...
Надо вырвать из лап забулдыги-пропойцы
дочь — сиротку Марфушу... К судейским сходить для
доклада.
И еще непременно: на Охту, ко взятым под стражу
ребятишкам, в колонию... молвить отцовское слово.
Кто их лучше поймет, как не он, каторжанин
вчерашний,
сам несчетно страдавший от промысла злого?
А сейчас — за перо.
За окном уже сумрак дымитя.
В дневнике помянуть
о распятом солдате,
на кресте не отрекшемся от веры, от русской землицы,
предпочевшем погибель житию при паше-супостате.
...На закате бледнее лицо (лишь подглазья чернее).
Думы проще. но — выше. Скрипенье пера во щепоти...
В переулке Кузнечном все глуше.
А ночь за окном все роднее,
потому что все ближе душа
к предстоящей свободе.

1985

ТОННЕЛЬ

В тоннеле бытия блестит на сводах влага,
как будто россыпь звезд...
И ряд электросолнц
уходят в грудь горы.
И надобна отвага,
чтоб в спешке не принять
действительность за сон.
Есть радости у нас, но — местного значенья:
то камушек сверкнет умильной красоты,
то немощный росток, истлев, издаст свеченье,
то жалобный сверчок испустит крик мечты!
И, страстно возбуждась под действием пружины, —
пробить тоннельный мрак движением души! —
мы к выходу спешим,
мы светом одержимы!
Маячит он для всех — не всеми достигим.
... Сегодня, распрямив со скрипом поясицу,
отлипнув от стены, где трудно отдыхал,
увидел я вдали, как сказочную птицу,
синеющий во тьме просвет или прогал.
И воздух ощутил, напитанный свободой!
Итог промозглых дней — улыбка в голове.
Свершилась наконец иссякших мышц работа.
Но длится труд души
в желанной синеве.

1985

ЧИСТАЯ ЛИРИКА

В минуты жизни неслучайные,
уставшая в кругу людей,
душа наполнится звучанием,
страхнет окалину страстей
и, вся как дерево плечистое,
зеленый к небу вздыбит лик!
И только музыка пречистая
ее венчает в этот миг.
Но... только миг.
И вновь — внимательна,
и вся насквозь живая вновь.
И крик ребенка или матери
ее волнует, как любовь.
И ни в себя играть не хочется,
ни — в чистословия игру...
И гаснет ересь одиночества
свечой оплывшей на ветру.

1985

* * *

Что жаль мне более всего?
Не жизни. Это чудо вечно.
Жаль красоты неповторимой
встречной,
однажды данной и — на одного.
Жаль красоты цветка, а не цветов.
Лица любимой — не лица людского.
Народ живуч. Он, как природа, снова
восстать из пепла осени готов!
И жаль мне глаз на дивном полотне,
облитых кислотою равнодушья.
Своей души, погибшей от удушья,
мне жаль...
Твоей любви — вдвойне.

1985

ЖЕЛАННЫЙ ТРУД

Сей миг (иль при царе Давиде),
едва тебя исторгнет мать,
открыть глаза и видеть, видеть!
Прочистить уши и — внимать.

Желанный труд, благая доля —
отведать жизни на земле:
поверить в друга, выйти в поле,
проникнуть в книгу на столе.

Шумит листва, течет прохлада,
двоится взгляд, пророки врут, —
труд жизни вечной. . . А расплата?
Не просто смерть, но — смертный труд.

1985

* * *

Живешь в себе, как бы в трубе вода,
течешь послушно вдоль... Но иногда —
не перед смертью, нет —
в разгар судьбы
для всех неожиданно встанешь на дыбы!
И грудь свою костями изнутри
скребешь!
И пылко, словно волдыри,
болят глаза!
Тот бунт — не крови бунт,
то праотцы забвение скребут!
Они в тебе, как бы в трубе вода...
И вопиет их правда иногда.

1985

* * *

В твоих глазах, не помнящих меня,
есть что любить...

Люблю обломки дня:

мазок закатный в небе сквозь пургу,

следы угасшей мысли на снегу,

последний над деревнею дымок,

в вороньем горле ужаса комок,

деревьев сны в объятьях января...

Незыблем мир. Надежны якоря.

В твоих глазах, забывших обо мне,

есть что любить,

чем грезить о весне.

1985

* * *

Добро и зло на коромысле
несу из пережитой мглы.
О разум, вздрогнувший от мысли,
как будто мышца — от иглы!

Как два ведра... Не расплескать бы,
не причинить бы перевес,
не пошатнуть бы смерти, свадьбы,
не брызнуть хаоса в прогресс.

1985

* * *

В моем мозгу, как в недрах камелька,
трещат дрова познаний и сомнений.
И плавно тает иней у виска
от музыки огня и песнопений.

В моем мозгу, уставшем от утрат,
сгорают ласки жизни и гримасы.
И голубой в окне моем квадрат
сереет сентябрем, как поздний разум.

В моем мозгу, исполненном проказ,
уж нет надежд, но есть еще веселье!
И свет окна, и свет любимых глаз,
как прежних чар лишившееся зелье. . .

1985

* * *

Привет ничьим холодным облакам,
взъерошенным цветам и птицам,
угодным сердцу пустыкам,
печалям, помыслам, вещицам.

Бездомен я, как прежде, как всегда.
И с наслажденьем зябну.
И — везенье,
что можно до могильного креста
пить эту жизнь,
как этот дождь осенний.

1985

ЖЕЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Мы — листья. На ветвях и здесь —
в ногах, лишившиеся пыла.
И любим мы не то, что есть,
а то, что было.

В нас лета канувшего жар
впечатан золотистой краской.
Мы устилаем жизни шар
шуршащей сказкой.

Мы чуем в непроглядных снах
не осень тлеющую, злую,
не смерти завтрашней размах —
весну былую!

... Любимая, в твоих очах
я вижу не седую вьюгу,
не этот вечер при свечах,
но — май,
толкнувший нас друг к другу.

1985

* * *

Опавшие листья,
уплывшие вдаль облака,
скользнувшие в вечность
с крутых циферблатов века,
иссякшие ливни,
увядшая мудрость огня,
угасшие души —
зовут за собою меня.

Обмякшие камни,
уоставшие жить палачи,
от царственных звезд
отлетевшие с хрустом лучи,
молчащие боги,
взывающий к солнцу петух —
вселяют улыбку
и древнюю кротость в мой дух.

1985

* * *

М. Дудину

Смотрю на звезды, словно жду
оттуда вещего сигнала,
и, не дождавшись, в высоту
не шлю проклятий, проку мало.

Вот так же стоя на земле,
с бородкой, вздыбленной нелепо,
сам Люцифер в такой же мгле
в ночное всматривался небо.

Что — звезды? Пыль. . . Отворотясь,
смотрю в себя. В моей вселенной
есть все: и глубина, и страсть,
и путь. . . и свет любви нетленной.

1985

СВЯТЫЕ МЕСТА

С. С. Гейченко

Нет, прошлое — не есть пустырь.
Вот по заснеженному «ныне»
шуршит машина в монастырь
к могиле Пушкина, к святыне.

Как рукотворная заря,
двадцатый век сияет лихо!
А здесь, у стен монастыря,
и в двадцать первом будет тихо.

Святые надобны места,
чтоб сердцем слушать мир — не ухом,
чтоб воспарять, хоть иногда,
над изнемогшей плотью — духом!

1985

ЧИБИС

Чибис голосом плаксивым
просит пить... Унылый тон.
Звук с кислинкой, жалкий, сырый.
Крик, а правильное — стон.

Завтра дождь. Истомой тянет.
Кличет чибис. Воздух густ.
На болоте клюква вянет.
Без дождя — орешек пуст.

Сладко жить. Копить приметы.
Опускать в ручей бадью.
И молитвенно с рассветом
подставлять лицо дождю.

1985

* * *

Оставим надежды
тому, кто мечтам предается.
Пусть эти невежды
считают, что все обойдется.

Отринем пустое,
как прах от солдатских ботинок.
Продолжим святое:
со смертью крутой поединок!

Сосуды скудельны.
Надежда и Вера — химеры.
Средь скуки смертельной
бессмертны Любви кавалеры!

Из тех, кто не дрогнул,
не клюнул на рабью приманку,
кто, встав на дорогу,
не пел под чужую шарманку.

1985

* * *

Травы стремительна краса;
стеблистая, как ливень мая!
Бьет не с небес, а — в небеса,
на остриях цветы вздымая.

Дни сочные! Обилье гроз —
одна в другой, как бы матрешки.
Ликует мысли, радость в рост
идет ботвою от картошки!

И даже вечером заря
не столь гнетет... А на востоке
все лето — сплошь до сентября —
золотоносные потеки!

1985

ПУТЬ ГРОЗЫ

Босые ноги на дожде!
Кровь от унынья опросталась.
С души, светлея в чистоте,
стекает мутная усталость.

Зеленый мусор: клочья трав,
обломки чашечек цветочных,
к ногам прилипшие стремглав,
ласкают дух и оболочку.

Восторг! И неразрывна связь
грозы теперешней, не спетой,
чья ощутима страсть и власть,
с одной из первых гроз планеты...

1985

* * *

Из наших ртов
вздывается дымок.
Он плавит стужу.
Мы еще — живые!
Мы расстаемся (бледность — не порок)
вновь навсегда,
хотя и не впервые.

Аэропорт, неверия причал.
Шуршит в ногах межзвездная поземка.
Как робко мир,
который нас венчал
на царство жизни, светится в потемках.

Ступай туда и ласково живи
среди живых, минуя неизбежность,
под своды зла,
где на алтарь любви
я возложил
смирение и нежность.

1985

СТРОФЫ

Предпочитаю месяц май
осенним таинствам во мраке.
Любовь к промозглой стуже — враки.
Предпочитаю месяц май!

Дух исповедует любовь.
Суть одиночества туманна.
Душа не прочь вкусить обмана,
но — исповедует любовь!

Как эта улица темна.
Здесь мне обещано свиданье
с мечтой, пронзившей мирозданье...
Но как же улица темна!

1985

СНЕЖНЫЕ КОНИ

Час пробьет, прервем беседу.
Сяду я на облучок.
«Значит, едешь?» — «Значит, еду».
А куда? О том молчок.

Шевельну в морозной рани
одубевшею вожжой,
и умчат в распадок сани
тело, ставшее душой.

Покачнется мир навстречу...
И ко мне прильнут во мгле
избы, сосны, храм заречный —
все живое на земле.

Колокольчик, что подвязан,
вновь забьется под дугой.
И томительно, не сразу
обретет душа покой.

...Возвращаясь мерклым шагом
в дом, к свече — еще в сенях, —
ты смекнешь: «А ведь лошадок
вроде не было в санях?»

Сердце взноет от напасти,
вновь забьется веселей:
«Были кони! Снежной масти!
Поля чистого белей...»

1986

СОДЕРЖАНИЕ

Л И Ц А

Улица	6
Старая птица	7
«Розовела вода в свеженалитых лужах...»	9
«Дорога в клубах пыли...»	10
На уроке анатомии	11
На танцах	12
«Прощается женщина с мужем...»	13
«В лесу на дереве, молчком...»	14
Забывшие писатели	15
«И вдруг улыбнулся старик на углу...»	16
«Здравствуй, бабушка-старушка...»	17
В дороге	
1. «Деревьев корявые лапищи...»	18
2. «Распята сухая дорога...»	18
Письмо из экспедиции	19
«В любом селении, пожалуй...»	20
«Бездомная лошадь сдыхать не хотела...»	21
«Какое страшное лицо...»	22
Круглая земля	23
У шлагбаума	24
Детство мое	25
«Иду коридором сосновым...»	26
Жена	27
«На костре при лунном свете...»	29
В аэропорту	30
Матери	32
Наташе Шурыгиной	33
Надпись на могиле пилота	35
Комета	36
«Как в клетке, в стеклянном вокзале...»	37
Кто он?	38
«Человек застрелился...»	39

«Не унывай. Ты посмотри в окно...»	40
«Возвращение в дом, под родное крыло...»	41
Дом	42
Некрасивая улица	44
Дом творчества	45
Актриса	46
Глаза княжны	47
Голос Аввакума	48
Мужик над Волгой	49
«Иссыкает листва на деревьях...»	50
Старая шляпа	51
Колокольчик	53
Проселком	54
«На перроне ходят люди...»	56
Монолог стеклодува	57
Свидание	58
«Был обвал. Сломало ногу...»	59
Заблудшее дитя	60
Баллада о пришельце	61
Баллада о коте	62
Трясогузка	63
Пейзаж	64
Пушкинский час	65
Лермонтов	66
Песня о Некрасове	67
Прощание с Ясной Поляной	68
Есенин. 80 лет	69
Глаза Александра Блока	71
Коктебель	72
На Смоленском кладбище	73
Обломов	74
Игорю Северянину	75
Памяти Николая Рубцова	76

О Т Р А Ж Е Н И Я

Руки	78
Ненаписанные книги	79
Плач за окном	80
«А вчера постучали в окно...»	81
«Все в мире сдвоено, взгляни...»	82
Две копейки	83
«Уже по будням песен не поют...»	84
Быть!	85

«Передела ясная погода...»	86
Хорошие мысли	87
«Страшней всего остаться одному...»	88
Голые стены	89
«Навеселе, на дивном веселе...»	90
«Я тихий карлик из дупла...»	91
«Уходят праздные друзья...»	92
«Я сижу на кухне и курю...»	93
Ночные прогулки	94
«Кого спасает шкура...»	95
Памятка	96
«Земля дрожала в эту осень...»	97
«На лихой тачанке...»	98
«Я сяду в поезд электрический...»	99
«Последняя за окнами пурга...»	100
«В саду цветы полужавяли...»	101
Просьба	102
«Вышел я из вокзала...»	103
«Горело здание...»	104
«Город, город, я твой помазанник...»	105
«Постепенно становится все на места...»	106
«В больничном саду за решеткой...»	107
«Разбавлю скуку томатным соком...»	108
«Давай пораскинем мозгами...»	109
«Знать, опять несдобровать...»	110
«Устал, обмяк; прилег, поник...»	111
«Вы» ли, «ты» ли, ангел, зверь...»	112
«Давай попрыгаем, как в детстве...»	113
«Недомолвки, кривотолки...»	114
«Городок многоквартирный...»	115
«Местопребывание — Земля...»	116
«В четырех стенах темно...»	117
«Не хочется нынче ни песен...»	118
«Превратиться в мелкий дождик...»	119
«Сегодня снег и алые осины...»	120
«Тревога позже родилась...»	121
Капля	122
«На заливе, на пляже...»	123
«Жил, как дрался: до упада!...»	124
«Миг появленья плоти из-под снега...»	125
Теремок	126
«Разворошить, как муравейник...»	127
«Переулки Перми — деревяшки...»	128
Третья любовь	129
«Окутали тело мгнилой...»	130

«Я пойду далеко за дома...»	131
«Ходит луна по уснувшим вулканам...»	132
«Ночь. Тропа. Луна в разгаре...»	133
На девятом этаже	134
«Кирпичного здания в инее крылья...»	135
«Я иду по уснувшей Неве...»	136
«Провода сплелись над улицей...»	137
Фонарик	138
Поединок	139
Геометрия города	140
«Всю ночь собака лаяла надсадно...»	142
«Я сижу за оконной рамой...»	143
«Рассматриваю землю в микроскоп...»	144
Недо...	145
«Я славлю страницу пустую...»	146
«Это кровь во мне гудит...»	147
«Хожу ночными тропами...»	148
«Разорву воротник. Приспособлю под голову кочку...»	149
На что уповать?	150
«По ступеням к морской разудалой водичке...»	152
«Мало толку в пейзажах...»	153
«Непогода морщит лужи...»	154
«Человек за мою спиною...»	155
Наедине	
1. «Изнанкой листьев тополь серебрится...»	156
2. «Эй, перевозчик!» — слышу я игривый...»	156
3. «Сад зарастает сором, неухожен...»	158
4. «Ночных цветов букет неразличимый...»	158
5. «От палисада к прозрачной дороге...»	158
Сны	
1. «Ходят тени улочкой...»	160
2. «Я видел маленькое чудо...»	160
3. «На льдине Северного полюса...»	161
4. «Плита чиста. Могила без названья...»	162
5. «Сначала вымерли бизоны...»	162
6. «Я забираюсь на колени...»	163
7. «Переезжало меня поездом...»	164
8. «С вершины Петропавловского шпиля...»	165
9. «Земля покрылась колокольнями...»	166
10. «Приснилось: на склоне дождливого дня...»	166
«Это были не райские кущи, ей-ей...»	168
«Большое облако по небу...»	169
«Ледяная струйка в шель окна...»	170
«Сегодня я пел на скале в одиночестве полном...»	171
«Достучаться до звезд...»	172

Отражения	173
«Есть голос неясный...»	174
Молчаньем ночным	175
«В скрежетании туч...»	176
«В серый вечер дождевой...»	177
«Как хорошо, что нынче непогода...»	178
«Снег небесный, снег нерукотворный...»	179
«Перед сном, перед тем, как обнимет покой...»	180
Русская деревня	181
«Шумят перепончатых крыльев размахн...»	182
Рассветный звон	183
«Найти себя не в годы странствий...»	184
«Проснулся и слышу в редющей мгле...»	185
«Как поздно я познал язык добра...»	186
«Усни. Твой сон — игра на скрипке...»	187
Перед полетом	188
Высота	189
Тебе	190
«Рябило в глазах от мелькавшего хлама...»	191
Видеть небо	192
«Календарь из цветов...»	194
«Под звездой неподвижною...»	195
Во храме Бытия	196

НАРИСОВАННАЯ ДВЕРЬ

(Из нового)

Скрипело...	198
«Что ж, пожито весьма!...»	199
«Самое грустное что на земле?...»	200
«Клад, кладбище, умильно класть поклоны...»	202
«Вновь пред зарею златокудрой...»	203
«В час прощальный, осенний, когда голоса журавли...»	204
Что это было?	205
«Он вышел из толпы, он встал передо мной...»	206
«Во утешение обманутой души...»	207
«Есть лица юных — необычны...»	208
«В портовом городе на юге...»	209
Вода морская	210
После бури	211
«Всю ночь дождило... И на рейде...»	212
Древо сна	213
«И я не тот, и вы не та...»	215
Слово	216

«Отбросим лишнее — опишем этот миг...»	217
«Сквозь сон рассудка поутру...»	219
«Власть суеты свелась к нулю...»	220
По поводу дождя	221
«Спросил себя, проснувшись утром вешним...»	222
«Лес в застиранной пижаме...»	224
Пустой флакон	225
Сарай	226
Интервью	227
«После ливня воздух пуст...»	228
«Что мне напомнил сей бесстрашный голосок?...»	229
«Играли в карты, грешили страстно...»	230
Нарисованная дверь	231
«Из дождливого города...»	232
Старинные вальсы	233
Цыганские напевы	234
На закате	236
Тоннель	237
Чистая лирика	238
«Что жаль мне более всего?...»	239
Желанный труд	240
«Живешь в себе, как бы в трубе вода...»	241
«В твоих глазах, не помнящих меня...»	242
«Добро и зло на коромысле...»	243
«В моем мозгу, как в недрах камелька...»	244
«Привет ничьим холодным облакам...»	245
Желтые листья	246
«Опавшие листья...»	247
«Смотрю на звезды, словно жду...»	248
Святые места	249
Чибис	250
«Оставим надежды...»	251
«Травы стремительна краса...»	252
Путь грозы	253
«Из наших ртов...»	254
Строфы	255
Снежные кони	256

Горбовский Г.

Г 67 Отражения: Лирика. — Л.: Сов. писатель, 1986. — 264 с.

Книга стихов известного ленинградского поэта, лауреата Государственной премии РСФСР Глеба Горбовского «Отражения» — это итоговый сборник, включающий его избранную лирику последних тридцати лет.

Г $\frac{4702010200-306}{083(02)-86}$ 184—86

ББК 84.Р7

Глеб Яковлевич Горбовский

ОТРАЖЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1986, 264 стр.
План выпуска 1986 г. № 184

Редактор *И. С. Кузьмичев*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *С. Л. Шереметьева*
Корректор *Е. А. Омеляненко*

ИБ № 5148

Сдано в набор 17.03.86. Подписано к печати 26.05.86. М 42515. Формат 70×108^{1/2}.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,55.
Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 28 000 экз. Заказ № 158. Цена 1 р. Ордена
Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отде-
ление. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государствен-
ном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

